Учреждение образования «Брестский государственный университет
имени А.С. Пушкина»

А.А. Горбацкий

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЧОНСКИЙ МОНАСТЫРЬ
Монография

Брест
БрГУ имени А.С. Пушкина
2011

УДК 27-788(476)
ББК 86.372(4 Беи) Г 67

Рекомендовано редакционно-издательским советом учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»
Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор В.И. Новицкий
кандидат философских наук, доцент О.Н. Иванчина

Горбацкий, А.А.

Православные монастыри Беларуси: история и современность. Чонский монастырь : монография / А.А. Горбацкий ; Брест, гос. ун-т имени А.С. Пушкина. — Брест : БрГУ, 2011. — 100 с.

ISBN 978-985-473-700-3.

В монографии проанализированы основные этапы становления и развития Чонского монастыря. Показаны монастырский быт, хозяйственная деятельность, а также жизнь настоятелей. Уделяется внимание переписке, анализу финансовой деятельности по приходно-расходным книгам. Приводятся примеры связей монастыря с населением прилегающих городов и деревень.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам и студентам исторических, философских и богословских факультетов и отделений вузов, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей Православия.

УДК 27-788(476)
ББК 86.372(4 Беи)

ISBN 978-985-473-700-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Изучение монастырей и монашества имеет длительную и богатую историю. В первые века христианства зародилось и христианское монашество (от гр. monachos — одинокий, монастырь — уединенное жилище). Находились люди, которые по примеру апостолов отрекались от земных благ, служа делу распространения новой веры. Вообще идея воздержания, самоограничения во имя духовного совершенствования (а не как самоцель или средство оздоровления своего тела) очень характерна для христианского учения. Вспомните хотя бы пребывание Иисуса Христа в пустыне. Однако жить в самоограничении может не каждый человек, что было отмечено еще древними мудрецами.

Появление монашества относится к IV в., когда некоторые христиане стали удаляться от мира, превращаясь в пустынников, отшельников. Монахами были многие учителя и Отцы церкви. Один из знаменитых отшельников — старец Антоний Великий — жил в Египте в III-IV вв. Он раздал свое имущество и ушел в пустыню, где боролся с искушавшими его демонами, являвшимися в виде диких животных. Прожил Антоний более ста лет.

Постепенно возникла идея коллективного общего жития монахов (так называемая киновия). Основателем общежитийного монашества был Пахомий, также прозванный Великим. Он создал первый устав коллективной монашеской жизни.

Монашество – историческая форма осуществления аскетического идеала. В основе же этого идеала лежит дуалистическое мирочувствование и в более развитом виде его — миропонимание. Если существует тот или иной вид, та или иная степень дуализма, хотя бы в противопоставлении добра и зла, духа и тела, попытка доставить торжество тому, что признается ценным, обязательно приводит к аскезе. В этом смысле всякое самоупражнение, духовное самовоспитание, достигаемое путем воздержания от ряда своих желаний или путем устремления к добру (благодаря чему многие желания отпадают сами собой) уже есть аскеза.

Сегодня наряду с возрождением монашеской жизни в Православии в отдельных регионах наблюдается кризис. В Греции и на Ближнем Востоке упадок монашеских призваний вызван прежде всего трудной исторической мутацией. Традиционные формы монашества были всегда связаны с сельской цивилизацией, находящейся сегодня на грани исчезновения. В эпоху иностранного владычества монастыри были последними убежищами для общества, находив-

шегося под угрозой. Они едва ли могли ответить на вызов современного мира, который в Восточном Средиземноморье расценивается как привнесенный извне, а не как результат нормальной эволюции структур и умов, как на Западе.

В Восточной Европе ситуация еще более сложная из-за официального атеизма и агрессивного секуляризма властей. Однако вызов технической цивилизации, породившей тоталитарную систему, поставил людей перед необходимостью осмыслить самое существенное. В России, как и в Румынии, после Второй мировой войны произошло обновление монашеской жизни, охватывавшей часто слои интеллигентной молодежи. Встревоженные власти реагировали самым суровым образом: в Румынии реакция проявилась в 1958 году, в России на год позже. Лишь менее заметный подъем женского монашества в Сербии смог осуществиться безболезненно.

Ныне мы видим знаки некоторого оживления монашества. Созерцание «в сердце масс» набирает силу в России, где еще существуют немногочисленные монашеские общины. Многое удалось сохранить в Румынии, где монастырская реформа, осуществленная патриархом Юстинианом в 1953 году, начинает приносить свои плоды. Многочисленные молодые общины сплетаются с новыми структурами, и монахи, согласно уставу, составленному патриархом, должны участвовать в экономическом строительстве «в перспективе преображения», с молитвой о тех, «кто не умеет и не хочет молиться и никогда не делал этого».

В Греции трудные отношения существуют между «монашествующими» ревнителями традиционных форм монашеской жизни и ненавистниками всего современного и «мирянствующими» братствами, в деятельности которых есть много показного. Несколько в стороне от этого соперничества стоят молодые христианские интеллигенты, которые стремятся сами найти дух Предания, чтобы выработать ответ на чаяния и тревоги современного мира. Некоторые из них избирают «путь Алеши Карамазова» — молитвенный, исполненный любви и присутствия среди людей, другие отправляются на Афон с той же жаждой внутреннего обновления. На Ближнем Востоке подобные проблемы близки к разрешению.

В Беларуси с конца 1980 годов до начала XXI века значительно увеличилось число религиозных организаций. Открывались некогда закрытые православные монастыри: если в 1999 г. их было 13, то в 2001 г. — 20.

Историография проблемы многообразна, имеет разные приоритеты в XIX, XX и в начале XXI века. Общая история монастырей (до

XVII в.), основанная на широком привлечении разнообразных источников, в том числе и неопубликованных, впервые вводимых в научный оборот, изложена в «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова). Опубликованное более ста лет назад, издание сохраняет актуальность и для науки сегодняшнего дня, хотя с тех пор появилось значительное число публикаций источников и глубоких исследований, посвященных отдельным периодам, явлениям, событиям истории Церкви, монастырей и монашества. Не меньшее значение имеют соответствующие разделы «Истории Русской Церкви» академика Е.Е. Голубинского. До сих пор используются труды В.В. Зверинского «Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи...» (СПб., 1890-1897. Ч. I-III), Л.И. Денисова «Православные монастыри Российской империи» (М., 1908). Очерки по истории православного монашества содержатся в труде П.С. Казанского «История православного монашества» (М., 1856), в книге И.К. Смолича «Русское монашество: 988-1917», изданной на русском языке в 1997 г. Следует упомянуть работу Г.П. Федотова «Святые Древней Руси», изданную впервые в 1931 г. в Париже, затем в Нью-Йорке и снова в Париже, а в 1990 г. в Москве, «Очерки по истории русской святости» иером. Иоанна (Кологривова) (Брюссель, 1961) и др.

Еще одним направлением исследования была история отдельных монастырей и отдельных житий святых. Можно назвать двухтомное исследование Н.К. Никольского, посвященное Кирилло-Белозерскому монастырю и его устройству (СПб., 1897-1910), труд Н.И. Серебрянского по истории монастырской жизни в Псковской земле (М., 1908) и ряд других [25, с. 8].

Наряду с научными исследованиями публиковались работы, предназначенные как для широких кругов верующих, так и для тех, кто интересовался общими и частными вопросами истории монастырей и монашества вне рамок строго академического подхода.

Большой интерес всегда вызывали монастырские имущества, история монастырского землевладения и секуляризации. Что касается собственно монашеской жизни, духовности, внутренней истории монастырей, их внутренней организации, не имеющей прямой связи с размерами земельных владений, то о ней мы не найдем таких всесторонних изысканий, как в вопросе об имуществах. Богатства монастыря подчас вызывали больший интерес, чем монашеское подвижничество. Впрочем, издавалось значительное количество работ, представлявших монашество широкому кругу читателей, но они относятся скорее к сфере литературных жанров, нежели историче-

ских исследований (А.Н. Муравьев о Северной Фиваиде, Е. Поселянин о русских подвижниках XVIII в., о Серафиме Саровском).

Во второй половине XIX в. появляется несколько исследований, посвященных истории православных монастырей, находившихся на белорусских землях. В 1885 г. в Полоцких епархиальных ведомостях выходит статья А. Сапунова «Полоцкий Борисоглебский монастырь». Автор, используя не опубликованные источники, описывает первоначальную историю монастыря, показывает роль братии в духовной жизни г. Полоцка и прилегающих территорий. В 1897 г. увидела свет работа В. Альбицкого «Описание Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря». На 12 страницах автор довольно подробно описал архитектурные особенности построек монастыря, внутреннее его оформление.

Наука в советский период, вопреки тому, что можно было бы ожидать, внесла определенный вклад в изучение института монастырей и монашества. Подлинная наука, ушедшая в эти годы в источниковедческое подполье, дала ценные публикации документального материала и историко-филологические исследования (также в ряде случаев сопровождавшиеся публикациями) памятников агиографического жанра. Особое внимание уделялось источниковедению, текстологии. Сохранялась традиция исследования темы, не затухал интерес к огромному пласту источников, широкое привлечение которого позволяет теперь более полно представить историю Беларуси с древнейших времен до наших дней. Возникает возможность преодолеть односторонний подход к монастырям с точки зрения их роли в социально-экономической и политической жизни общества и глубже исследовать их вклад в сокровищницу белорусской духовной культуры, показать полноту влияния христианского подвижничества и аскетического идеала на формирование духовных и нравственных ценностей.

В последние десять лет XXI в. белорусские исследователи расширили научный поиск архивных и другого рода источников, касающихся истории православных монастырей на белорусских землях. Появился ряд важных и научно значимых статей. В первую очередь это статьи Е.Н. Борун: «Вклад Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря в дело религиозного просвещения Полоцкого региона» [4], «Православные монастыри Полоцкой епархии в XIX-XX века» [5], «Сохранность храмовых комплексов полоцких монастырей в 1920-х гг.» [6] и др. Автор, используя богатый архивный материал, показывает духовную, хозяйственную и социальную деятельность православных монастырей Полоцкой епархии. Истории Витебского

Свято-Духова женского монастыря посвящена работа Г.П. Лебедева «Витебский Свято-Духов женский монастырь, его история и перспектива воссоздания» [23]. Истории уникального культового комплекса XII в. в предместьи г. Полоцка посвящена статья А. Трусова «Бельчыцкі манастыр» [34], вышедшая в 1993 г. в журнале «Беларускі гістарычны часопіс».

Основная задача предлагаемой монографии состоит в том, чтобы дать целостную картину истории монашества, а также историю Чонковского монастыря (от возникновения до ликвидации в период Первой мировой войны), определить его специфику в разные исторические эпохи, на разных исторических этапах. Важно было проанализировать связь монастыря со всем ходом исторического развития прилегающих территорий, их влияние на все стороны жизни общества — как материальной, так и духовной.

Источником для написания данной монографии послужили материалы, хранящиеся в фонде Национального исторического архива Республики Беларусь (ф. 3023). Это прежде всего приходно-расходные книги, присылаемые из монастыря в Могилевскую духовную консисторию. Также использовались описи монастырского имущества. Из исследованных материалов видно, что они отражают в первую очередь хозяйственную деятельность. Вторую группу материалов составляют характеристики настоятелей обители и братии. Третью — переписка монастыря и книги входящих и исходящих материалов. Четвертую — материалы культурологического характера, это описание строений монастыря, внутреннего состояния и оформления церквей, библиотеки монастыря.

До недавнего времени целый пласт духовной культуры народа, связанный с жизнедеятельностью монастырей и их огромным авторитетом и влиянием на народные массы, оставался за чертой научных интересов историков, культурологов, философов, искусствоведов.

В настоящее время в республике ощущается серьезная потребность в исследованиях, воссоздающих не только фактическую историю монастырей, но и их вклад в духовную жизнь государства и отдельных регионов.

Глава 1
МОНАСТЫРСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

В Евангелии сказано, что жизнь каждого христианина должна быть нравственно совершенной. Но там говорится и о том, что, кто может вместить, может избрать жизнь еще более совершенную, и дается совет, как это сделать.

В Евангелии от Матфея читаем: «Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19, 21). Если кто честно живет в браке — это хорошо, спасительно, но выше и спасительнее, если кто девство сохранит в чистоте. Поэтому некоторые стали подражать Приснодеве Марии, святому Иоанну Предтече, апостолам Павлу, Иоанну Богослову, Иакову и брать на себя подвиг девства и жизнь проводить в непрестанной молитве, в посте и воздержании.

Такие христиане-подвижники назывались аскетами. Они жили в горах, в лесах, в пустынях уединенно, то есть отдельно друг от друга. Их называли еще отшельниками и пустынниками. В III веке таких подвижников становится все больше и больше, и в конце III, а особенно в начале IV века, подвижничество принимает более определенный характер. Многие из подвижников стали жить под руководством преподобного Антония Великого. С этого времени он основал так называемое отшельническое монашество. Это значит: несколько отшельников жили под руководством одного аввы, то есть отца духовного (авва — арамейский вариант еврейского слова ав, что значит «отец»), но жили они все отдельно друг от друга — кто в хижинах, кто в пещерах (скитах). Каждый из них постился, молился, трудился как мог, по благословению своего аввы. Особых правил, устава монашеского тогда еще не было. Такие скиты, объединенные под властью одного аввы, назывались лаврою.

В середине IV века Господь повелел одному из подвижников, преподобному Пахомию, объединить отшельников в отдельные общины (монастыри) и составить для всех монахов единый устав. На острове реки Нил Пахомий устроил первый монастырь или киновию (так назывались тогда монастыри). Но желавших спасаться оказалось так много, что один монастырь не мог вместить всех, поэтому преподобный Пахомий вынужден был основать еще несколько монастырей. Устроил даже один женский монастырь, где настоятельницей была его сестра. В этих монастырях каждый трудился по своей силе и способности на общую пользу и все подчинялись единым правилам.

Так преподобный Пахомий основал общежительное монашество. Еще при жизни его число монахов возросло до семи тысяч, а сто лет спустя после него монахов было до пятидесяти тысяч человек. Монашество быстро распространялось. Иларион, ученик преподобного Антония Великого, перенес монашество на свою родину, в Палестину, а далее оно охватило и всю Сирию.

Святой Василий Великий основал монашество в Каппадокии и дал ему строгий устав. Для всех монахов он написал «Правила иноческой жизни». Преподобный Савва Освященный (священноинок) в V веке устроил обитель недалеко от Иерусалима, в скале у потока Кедронского. В Европе монашество было основано на Афонской горе и на Олимпийской горе. С Афонской горы монашество перешло и на русские земли. Святой Афанасий Великий написал житие преподобного Антония Великого, а. блаженный Иероним описал житие преподобного Павла Фивейского. Эти книги многих (даже на Западе) воодушевили на подвижническую жизнь.

Монашество на Афоне

Свою богатую историю имеет знаменитый Афон. Он является восточным ответвлением полуострова Халкидики и омывается водами Эгейского моря. Он имеет длину 60 км, ширину от 8 до 12 км и занимает площадь в 360 кв. км. Горный хребет полуострова, имея у перешейка, которым он соединяется с Македонией, незначительную высоту, далее постепенно поднимается вверх и у моря заканчивается возвышенностью, высота которой достигает 2 033 м. Это и есть гора Афон, давшая название всему полуострову.

О названии и истории полуострова имеется много мифов и преданий. Афон — слово догреческого происхождения, согласно теогоническому мифу — имя одного из фракийских гигантов. Во время борьбы с богами Афон бросил из Фракии на Посейдона огромную скалу, однако промахнулся, и каменная глыба упала именно на то место, где сегодня находится гора Афон. Другая версия этого мифа повествует о том, что Посейдон, победив восставшего гиганта по имени Афон, похоронил его под высокой скалой. И, наконец, еще по одной версии, Афоном звали сына Посейдона.

Первыми жителями Афона были фракийцы и пеласги с острова Лимнос, а позднее — переселенцы из Халкиды.

Сохранившиеся развалины свидетельствуют о том, что на территории полуострова некогда стояли города, среди которых упоми-

наются Сани, Урануполи, Палеорио, Фиссон, Клеонес, Акрофон (Аполония), Харадрия, Олофикс и Дион.

Все эти древние города рождались, развивались и умирали, а самой земле Афонской еще предстояло обрести новую жизнь после пришествия в мир Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Так получилось, что Сама Пречистая Матерь Его избрала эту землю Своим уделом навеки.

Согласно преданию, когда апостолы решали по жребию, где кому проповедовать Евангелие, Богородица попросила позволить Ей тоже принять участие, чтобы не остаться в стороне от проповеди. По жребию Ей выпала земля Иберия в Малой Азии. Когда Пресвятая Богородица готовилась к отправиться в Иберию, появился Архангел Гавриил со словами: «Иисус Христос, родившийся от Тебя, велит Тебе не оставлять Иудейскую землю и Иерусалим. Место же, Тебе предназначенное, не Иберия, а полуостров Македонии — Афон...»

Как только Владычица мира прибыла на Афон, послышался гул от всех идолов, находившихся на полуострове. Этот гул, как крик, взывал: «Мужи, потомки Аполлона, идите в бухту Климента, встречайте Мать Великого Бога — Марию». Местные жители с большим почтением встретили Богородицу, Иоанна Богослова и всех кто с ними был.

Святая Дева, увидев место, которое Ей досталось, произнесла следующие слова: «Сын Мой, Бог Мой, благослови место сие и жребий Мой и излей милость на него, и храни невредимым его до скончания века сего».

Потом, благословив народ, сказала: «Благодать Божия да пребудет на месте сем и на пребывающих здесь с верою и благоговением и соблюдающих заповеди Сына и Бога Моего. Потребные к жизни на земле блага будут им с малым трудом в изобилии, и жизнь Небесная уготовится им, и не оскудеет милость Сына Моего от места сего до скончания века. Я же буду заступница места сего и о нем Ходатаица пред Богом» [32, с. 34].

Хотя точная дата распространения монашества на Афоне неизвестна, однако исследователи утверждают, что первые отшельники поселялись здесь еще задолго до VII века, когда встречаются первые упоминания в летописных источниках о пришествии на Святую Гору аскетов Востока и Египта, преследуемых арабами.

Официально Афон провозглашается местом монашества в 885 году Золотой Буллой императора Василия I. Основателем же общежительного монашества на Афоне считается святой Афанасий из Трапезунда, который с помощью императора Никифора Фока (963-

969 гг. н.э.) основал монастырь Великой Лавры (962-63 гг.) — первый монастырь, появившийся на Афоне.

Через несколько лет, в 972 году, был издан первый Устав, по которому регулировались организация и управление делами на Святой Горе и который, поскольку был написан на козлиной коже («трагос»), назывался «Трагос». Документ был подписан императором Иоанном Цимиски. По этому уставу Афон был признан независимым монашеским государством.

До 1313 года Афон не имел над собой высшего церковного руководства (епископа) и подчинялся лишь административно византийскому императору. И в таком отступлении от канонов не было ничего зазорного, ибо считалось, что Святая Гора — удел Божией Матери и Сама Владычица мира была и есть здесь Игумения.

Однако в 1313 году император Андроник Старший издает хрисовул, по которому Афон начинает подчиняться Вселенскому Патриарху; при этом все же сохранялась власть Прота — всеми уважаемого старца, избираемого на год от всех монастырей.

Заметный приток славянских иноков на Афон наблюдается в XI веке, тогда же впервые в святогорских актах монастырь Ксилургу назван русским. Древнейшее упоминание русских на Афоне относится к 1016 году: известна подпись игумена русского монастыря Герасима под грамотой Николая, игумена монастыря Св. Илии.

Болгарские иноки могли появиться на Афоне практически сразу после принятия христианства в Болгарии в 865 году. Однако первое достоверное свидетельство о болгарском Зографском монастыре — подпись его игумена Симеона — встречается только в 1169 году в Акте о передаче Пантелеимонова монастыря русской обители Ксилургу.

В 1191 году в Пантелеимоновом монастыре принял монашеский постриг Растко Неманич, сын великого жупана Сербии, будущий святитель Савва Сербский. А вскоре состоялось основание первого сербского общежительного монастыря на Афоне. Это случилось в 1198 году, когда на месте древней заброшенной греческой обители сербский царевич Савва вместе со своим отцом Симеоном заложили монастырь Хиландарь. Летописи отмечают, что в XII веке на Афоне монахи из славян подвизались уже не только в Зографе, Хиландаре и на Русике, но и во многих греческих обителях: Григориате, Кастамоните, Кутлумуше, Филофее, Ксенофонте, Ксиропотаме и других.

В XII-XIII веках благодаря активным связям между русской и сербской монашескими общинами среди братии Русика было много сербов. В то же время в работе над переводом сербской редакции Кормчей вместе с Саввой Сербским принимали участие русские

книжники. Одна из глав Евергетидского Типикона получила широчайшее распространение в русской письменной традиции. В 1219 году Досифей Печерский посещает Святую Гору и пребывает там длительное время. Возвращаясь в свою обитель, он увозит с Афона жития святых подвижников Горы Афонской, «Ответы афонских отцов», «Чинопоследование двенадцатипсалмия» и «Типик скита Карей» святителя Саввы Сербского. Он стал первым русским монахом, кто смог составить обширные труды о святогорской жизни, передать дух Афона своим братьям и тем самым скрепить духовную связь между святогорскими и русскими обителями. После установления на Руси в середине XIII века монголо-татарского ига число русских иноков в Пантелеимоновом монастыре уменьшалось.

Монашество на Руси

Стремление к иночеству проявляется на Руси очень рано. При святом Владимире священник села Берестова, впоследствии митрополит русский Иларион, поселяется в двухсаженной пещере. При приходских церквах ставятся кельи, где живут без определенного устава иноки. При Ярославе I уже существуют монастыри, и количество их постепенно возрастает, так что к концу домонгольского периода их было около 70 (и мужских, и женских). Самым знаменитым был Киево-Печерский монастырь. Начало ему было положено святым Антонием, организатором же был преподобный Феодосий.

Преподобный Антоний (в миру Антипа) был родом из г. Любеча Черниговской области. Почувствовав рано призвание к иночеству, он отправился на Афон, который в то время славился своими подвижниками, там постригся и начал свое служение. Игумен, постригший его, посоветовал ему идти в русские земли, благословил и предсказал, что от него «имеют произойти многие черноризцы». Антоний прибыл в Киев, осмотрел несколько тамошних монастырей, но ни в одном из них не захотел остаться. Облюбовал себе место на высоком берегу Днепра в трех верстах от Киева и поселился в пустой Иларионовой пещере, затем расширил ее и стал периодически поститься, проводить время во бдении, труде и молитве (около 1051 г.). Вскоре о нем узнали жители из соседних селений и стали приносить ему все необходимое для жизни. Появились и желающие постричься в монахи.

Вскоре образовалась небольшая община. Поселились они в Антониевой пещере. Она была расширена, построены новые кельи и церковь. Непосредственное руководство ими принадлежало преподобному Антонию. Через некоторое время он рукоположил для братии

игуменом Варлаама, сам же затворился в своей келье. Затем перешел в новую пещеру на соседнем холме, предоставив руководство монастырем своем ученикам.

Преподобный Феодосий родился в Киевском Василеве. Детство свое провел в городе Курске, куда его отец был переведен на службу. Здесь Феодосий научился грамоте у одного из городских учителей. Узнав о великих сподвижниках, пылкий мальчик твердо решился подражать им. Он не играет со сверстниками, вместо светлых одежд, какие следовало бы ему носить по общественному положению родителей, он надевает на себя заплатанное рубище и каждый день ходит в храм Божий. Лишившись отца, тринадцатилетний Феодосий приступает к ведению хозяйства. Мать была против выбора сына и пыталась разными способами изменить его взгляды.

Узнав о святых палестинских местах, Феодосий решил их посетить. Вскоре представилась и возможность. В Курск пришли иерусалимские странники, и Феодосий отправился с ними в Палестину. Мать догнала его, побила, заперла в особой комнате и два дня морила голодом. Освободив, некоторое время заставляла его ходить с железными оковами на ногах. Утратив возможность поклониться святым местам, Феодосий стал усердно посещать церковные службы.

Мать продолжала отговаривать сына от избранного пути. Поняв, что нужно оставить мать, чтобы осуществить свое стремление к подвижничеству, Феодосий уходит их дома. Он обошел несколько киевских монастырей с намерением поступить в один из них, но не был принят. Посетил он и пещеру Антония. После продолжительной беседы Антоний принимает Феодосия в сподвижники. Никон постриг его, и Феодосий надел иноческую мантию (около 1055 г.). Показал себя Феодосий строгим подвижничеством и был рукоположен в пресвитеры, а затем занял место ушедшего Никона [16, с. 81-82].

Как свидетельствуют источники, больше всего монастырей в Xl в. было основано в Киеве — семь мужских и два женских. Среди мужских были сохранившиеся до наших дней Киево-Печерский и Выдубецкий. На Правобережье возникло еще четыре мужских монастыря: в Луцке, Владимире-Волынском и два Сельских.

На Левобережье появилось тоже четыре мужских: два в Чернигове, Переяславле и Новгороде-Северском.

В Новгороде было основано два монастыря: мужской Юрьев и женский Петропавловский.

Три мужских монастыря возникли в Северо-Восточной Руси: в Ростове (Авраамьев), Суздале и Торжке.

Больше всего монастырей было построено на Киевской земле — тут было основано 15 мужских и 2 женских монастыря.

Но почему так мало их было в Новгороде и Северо-Восточной Руси? Как отмечают исследователи, процесс христианизации шел там медленно. Это находит косвенное подтверждение в летописном рассказе о вооруженном сопротивлении новгородцев попыткам их крещения в конце X в. По археологическим данным, как установил В.Л. Янин, полную христианизацию Новгорода следует отнести, вероятно, к концу XIII в. До конца XIII в. рядом с именем, полученным при крещении, существует мирское имя... В берестяных грамотах до конца XIII века христианские имена встречались очень редко. С.М. Соловьев отмечал, что при Владимире христианство распространялось преимущественно по узкой полосе, вдоль водного пути из Киева в Новгород, к востоку же от Днепра, по Оке и верхней Волге, даже в самом Ростове, несмотря на то, что проповедь доходила до этих мест, христианство распространялось очень слабо.

Даты основания первых монастырей — в IX и X вв. — могут быть и неточными, а сведения о них неполными. Так, по В.В. Зверинскому, первый монастырь в Киеве был основан в IX в. и назывался «Пустынно-Николаевский на Угорском», у С.М. Соловьева же сообщается, что первый монастырь был построен первым киевским митрополитом Михаилом на горе против холма Перунова. Видимо, это один и тот же монастырь, но если его построил Михаил, то это произошло не в IX в., а в конце X в. Тут же С.М. Соловьев приводит «иностранное известие», что киевский митрополит встречал Святополка и Болеслава Храброго в монастыре Святой Софии, о котором у В.В. Зверинского не упоминается (может быть, в этом «иностранном известии» монастырем назван Софийский собор, построенный в XI в.).

В XII в. было основано втрое больше монастырей, чем за предшествующий период, — 71, в том числе 53 мужских и 18 женских.

В княжествах на Правобережье и Левобережье появилось одиннадцать мужских и два женских монастыря. Основывались монастыри и в городах: в Киеве пять мужских и два женских, в Переяславле четыре мужских и по одному мужскому в Каневе и Галиче.

На Новгородско-Псковской земле было построено 14 мужских и 9 женских монастырей.

В XII в. новгородцы активно заселяют и осваивают Приладожье, где появились два мужских монастыря. Остальные — в городах: десять мужских и семь женских — в Новгороде, два мужских и один женский — в Пскове и один мужской в Старой Руссе.

В Северо-Восточной Руси было основано 16 мужских и 3 женских монастыря, в том числе 14 городских и 5 сельских. Больше всего их было во Владимире — 6 мужских и 2 женских, 2 в Переяславле-Залесском, по одному в Ростове, Суздале, Ярославле и Муроме (тут был женский).

На Севере, в Сухоно-Двинском районе, встретились миграционные потоки из Новгородской земли и Северо-Восточной Руси (Владимиро-Суздальской земли). Здесь были основаны два мужских монастыря — в Вологде и Великом Устюге (известный впоследствии монастырь-вотчинник Троицко-Гледенский).

Один женский монастырь был построен в Рязанской земле (в Пронске), восемь мужских — в Смоленске, пять (из них три женских) — в Беларуси: один мужской и три женских монастыря в Полоцке, а также один мужской в Турове.

Таким образом, из 71 монастыря 64 было основано в городах и только 7 в сельской местности.

В XIII в. основание монастырей происходило и до татаро-монгольского нашествия, и после него. К сожалению, многие монастыри датируются просто XIII в., так что неизвестно, к какой половине столетия относится их появление. Вероятнее все же, что они возникли после нашествия.

Вторжение татар нанесло огромный ущерб. Были разрушены и сожжены многие города и села, погибли и уведены в рабство тысячи работоспособных и знающих ремесла людей.

Но сколько же было уничтожено монастырей? Из основанных в IX — первой половине XIII в., как указано в источниках, на Украине и в Северо-Восточной Руси были разрушены в 1155 г. половцами 2 монастыря (в Переяславле-южном) и 12 при нашествии Батыя. Кроме того, 13 монастырей, основанных там же в этот период, были ликвидированы неизвестно когда, но до царствования Екатерины II. Поскольку число разрушенных татарами монастырей явно занижено, а другие 13 монастырей позднее в источниках не упоминаются, будем считать, что они тоже были разрушены при нашествии. Тогда общее количество разрушенных монастырей составит 25, в том числе 22 городских и 3 сельских, из них 10 в Киеве, 5 городских и один сельский на Правобережье Днепра, два городских и один сельский (женский) на Левобережье и пять городских и один сельский в Северо-Восточной Руси. Но и это число, вероятно, неполно, так как часть монастырей могла быть уничтожена, но в том же столетии восстановлена.

В XIII в. строительство православных монастырей продолжалось.

В Киеве, на Правобережье, возникло девять монастырей, в том числе один в Киеве, по два в Луцке и Владимире-Волынском и четыре сельских. Все они были мужскими.

На Левобережье — два мужских и один женский, из них по одному мужскому в Чернигове и Путивле. В Новгородско-Псковской земле — восемь мужских и два женских, из них один мужской и два женских в Новгороде и три в Пскове. В Смоленске — один мужской. В Рязани и Брянске — по одному мужскому. На Севере — три монастыря, в том числе два в Великом Устюге и один в Вологодской земле, на Кубенском озере.

В Беларуси — четыре мужских и один женский, из них три мужских и один женский в городах: мужские в Полоцке, Бресте и Пинске и женский в Турове.

Больше всего было основано монастырей в Северо-Восточной Руси, куда после нашествия стало уходить население с опасного юга. Здесь возникло 25 монастырей: шесть в Суздале, три в Ростове, по два в Москве и Твери, по одному во Владимире, Костроме, Ярославле, Нижнем Новгороде, Переяславле-Залесском, Старице, Юрьеве и Волоколамске и еще четыре сельских в Тверской земле.

Исключив из общего числа основанных в IX-XIII вв. монастырей те из них, которые разрушены, и те, что позднее XIII в. не упоминаются, получим общее количество монастырей, существовавших в конце XIII в.

Больше всего монастырей, находилось тогда в Северо-Восточной Руси: 26 мужских и 7 женских в городах; 8 сельских, т.е. всего 34 мужских и 7 женских монастырей. На втором месте была Новгородско-Псковская земля — 16 мужских и 12 женских городских и 6 сельских, всего 34 монастыря. Довольно много оказалось на Украине — 18 городских и 5 сельских, всего 23 монастыря, все мужские.

В остальных районах было гораздо меньше: четыре мужских и четыре женских в Беларуси (семь в городах), шесть монастырей было в Смоленске и пять на Севере (четыре городских).

Всего в конце XIII в. насчитывалось 96 мужских и 24 женских монастырей, из них 75 мужских, 24 женских городских и 21 сельский. Как видим, существенно преобладали городские монастыри — они составляли 83% [91]. Чем это объясняется?

Большую роль сыграло распространение христианства сначала среди богатых и состоятельных людей, близких к князьям и живших вместе с ними в городах. Богатые купцы и ремесленники тоже жили в них. Конечно, и простые горожане принимали христианство скорее, чем сельские смерды.

Динамика основания и особенности распространения монастырей подтверждают, что дата крещения Руси — 988 г. — условна и обозначает только начало активных действий правящей верхушки Киевского государства по христианизации населения.

Прослеживая размещение монастырей по регионам, можно видеть, что распространение христианства, начавшись в Киевской земле, пошло затем в Новгородско-Псковскую и Смоленскую земли, на белорусские земли и потом в Северо-Восточную Русь. Нашествие монголо-татар ускорило заселение Северо-Восточной Руси, соответственно там возросло число монастырей.

Монастыри в рассматриваемый период имели земельные владения, но сведения об их источниках скудны и отрывочны. Так, уже в XI в. Киево-Печерский монастырь получил земли от князя Изяслава Ярославича; три волости (с крестьянами) — от Ярополка Изяславовича; пять сел — от его дочери; села в Суздальской земле — от тамошнего епископа; новгородский Юрьев монастырь получил в XII в. погост Ляховичи «с землею, и с людьми, и с коньми, и лес, и борти, и ловища на Ловати», село Буйцы; Изяслав Мстиславович дал новгородскому Пантелеймонову монастырю в том же XII в. село Витославич с крестьянами и землями; другой новгородский же монастырь, Антониев, получил от своего основателя — Антония Римлянина купленную последним землю; Хутынский монастырь получил землю тоже от своего основателя — новгородского боярина [25, с. 35-39; 19, с. 65-69].

Наряду с большими монастырями существовали и мелкие частные монастыри, владельцы которых могли ими распоряжаться и передавать их наследникам. Монахи в таких монастырях не вели общего хозяйства, а вкладчики, пожелав уйти из монастыря, могли потребовать свой вклад обратно.

С середины XIV в. начинается возникновение монастырей нового типа, которые основывались людьми, не имевшими земельных владений, но обладавшими энергией и предприимчивостью. Они добивались от великого князя пожалования земель, принимали пожертвования от соседей-феодалов «на помин души», закабаляли окрестных крестьян, скупали и выменивали земли, вели собственное хозяйство, торговали, занимались ростовщичеством и превращали монастыри в феодальные вотчины.

Появление так называемых монастырей-вотчинников означало материальное укрепление Церкви в целом, превращало ее тоже в крупнейшего землевладельца, возможность поддержать великокняжескую власть деньгами, натуральными продуктами и войском, набранным из зависимых крестьян.

Земельные владения стремились приобрести не только монастыри, но и другие церковные организации: митрополичья, архиепископские и епископские кафедры (дома) и крупные церкви — соборы. Митрополиты и епископы с древнейших времен получали от князей различные дотации и земельные владения. До середины XIV в. Иерархи Церкви были главными представителями несветского землевладения. Монастыри с древнейших времен и приблизительно до середины XIV в. не имели крупных земельных владений и далеко уступали в этом иерархам Церкви. Однако со второй половины XIV в. Монастыри начинают приобретать владения и в дальнейшем, быстро обогащаясь, становятся, таким образом, богаче иерархов Церкви. Основными способами приобретения земельных владений были пожалования великокняжеской (впоследствии царской) власти, дарения (вклады) светских феодалов, захват земель у оставшихся еще свободных крестьян и их закабаление, а позднее главным образом покупка земель у средних и мелких феодалов.

К сожалению, общие данные о величине землевладения церковных иерархов и монастырей имеются только с XVII в., и то весьма приблизительные. До этого времени о формировании церковного землевладения можно составить некоторое представление только по числу монастырей.

В XIV в. происходит дальнейшее развитие феодального хозяйства, увеличивается население, успешно развиваются отдельные территории. В Центральном районе (впоследствии получившем название Центрально-Промышленного) появляется наибольшее количество новых обителей: 51 городской монастырь и 29 сельских.

На западе страны, в Новгородско-Псковской земле (будущем Озерном районе), их было основано гораздо меньше: 26 городских и 8 сельских, всего 34 монастыря.

Еще меньше возникло на севере — 4 городских и 17 сельских, всего 21, и. на юге, в будущем Центрально-Черноземном районе, — один городской и 4 сельских, всего 5 монастырей.

По-прежнему в относительно густонаселенных Центральном и Озерном районах в городах основывалось намного больше монастырей, чем в сельской местности, на севере же, где крестьянство интенсивно осваивало землю, а городов было меньше, преобладали сельские монастыри. Не появилось новых монастырей в Смоленской земле.

Всего в XIV в. было основано 140 монастырей, из них 82 городских и 58 сельских, 20 из которых были женскими [92].

Победа над монголо-татарами существенно укрепила положение московских князей. В развернувшихся в XV в. феодальных войнах они одерживают верх над соперниками. Золотая Орда, раздираемая междоусобицами, слабеет. Продолжается освоение территории русских княжеств увеличивающимся населением, а' вслед за крестьянами идут монахи: в XV в. в Центральном районе основаны 100 монастырей (51 городской и 49 сельских, 15 из них женских). В Озерном — 73 монастыря: 24 городских и 49 сельских, 11 из них женских. На севере — 25 монастырей (6 городских и 19 сельских), в Смоленской земле — 2 мужских, в Черноземном районе – 5 монастырей (3 городских и 2 сельских).

В отличие от XIV в., когда, как уже было сказано, появилось значительно больше городских монастырей — 82 против 58 сельских, в XV в. было основано почти столько же городских — 85 (20 из них женских), но гораздо больше сельских — 120 (8 из них женских), а всего 205 (28 из них женских) монастырей [92]. Рост числа сельских монастырей, несомненно, отражал успехи внутреннего крестьянского освоения территории страны.

Свержение татарского ига, объединение княжеств в единое государство способствовали укреплению Церкви как феодальной организации. В сложившемся Русском государстве она сразу стала крупнейшим землевладельцем. Попытка отнять у нее землю, которую предприняло правительство в середине XVI в., окончилась неудачей — царское самодержавие еще нуждалось в поддержке Церкви и не пошло на открытый конфликт в сложной обстановке борьбы с потомками удельных князей и крупными землевладельцами-боярами, стремившимися ограничить власть царя. Строительство монастырей и, само собой разумеется, расширение земельных владений Церкви продолжалось в возрастающем темпе вплоть до 1580 г., когда окрепшее самодержавие и ищущее возможности расширения своих владений боярство и дворянство все же добились согласия на запрещение монастырям приобретать земли от служивых людей. Но монастыри, как и раньше, расширяли свои владения, получая от правительства свободные земли и приглашая на них крестьян на льготных условиях. По истечении срока льгот крестьяне оказывались в крепостной зависимости от монастырей.

В XVI в. в Центральном районе было основано 77 городских (22 из них женских) и 97 сельских (5 из них женских), итого 174 монастыря (27 женских), в Озерном — 32 городских (8 из них женских) и 63 сельских (3 из них женских), итого 95 (11 женских), в Западном (Смоленской земле) — 3 городских (один из них женский) и

6 сельских, итого 9 (один женский), в Северном районе — 7 городских (один из них женский) и 63 сельских (3 женских), итого 70 (4 женских), а всего в этих четырех районах — 119 городских (32 из них женских), 229 сельских (11 женских), итого 348 монастырей (43 женских) [92]. Как и в XV в., количество новых сельских монастырей существенно превышает число городских. В XVI веке возникло 158 городских монастырей (38 из них женских) и 251 сельский (13 женских), итого 409 (51 из них женский).

Таким образом, за три столетия, с XIV по XVI вв., было основано 325 городских монастырей (75 из них женских), 429 сельских (24 женских), всего 754 монастыря, в том числе 655 мужских и 99 женских [92].

Как видим, если в XV в. количество монастырей увеличилось по сравнению с XIV в. на 200, то в XVI в. по сравнению с XV в. — уже более чем на 350.

Не все монастыри владели землей (кроме той, на которой были построены). Но, хотя в источниках XI-XVII веков нет сводных данных ни в целом, ни по одному какому-либо монастырю, не может быть сомнения в том, что у многих были владения и зависимые крестьяне, а ряд монастырей имел крупные вотчины. Выше уже говорилось о том, что некоторые монастыри получали земли еще в XII в. Обратившись к данным по XVII в., можно выделить крупные (по понятиям тогдашних чиновников) монастыри, имевшие свыше ста дворов крепостных крестьян, то есть около 700 человек обоего пола. Понятно, что такие владения обычно приобретались постепенно на протяжении долгого времени (конечно, иногда монастыри получали крупные пожалования от царей, членов царской семьи или бояр, но это все же было не так уж часто).

Например, в XIV в. таких монастырей было основано в Центрально-Промышленном районе 28, в других районах 3 городских и 8 сельских, т.е. 11, всего 39, из них 8 монастырей имели в конце XVII в. свыше 2 тысяч дворов (более 14 тысяч крепостных крестьян). Это были монастыри Кириллов Белозерский (более 5 тыс. дворов), Ипатьев и Чудов (более 3 тысяч дворов каждый), суздальские Спасо-Евфимьев и Покровский женский, московские Симонов и Вознесенский женский и ростовский Борисоглебский на Устье (более 2 тысяч дворов каждый).

В XV в. возникло 32 таких монастыря, из них 17 в Центрально-Промышленном районе, среди них Новоспасский в Москве и Троицкий Калязинский (более двух тысяч крепостных дворов каждый), Иосифов Волоцкий, Пафнутьев Боровский и Псково-Печерский (более

одной тысячи дворов), а также Соловецкий и вологодские Павлов Обнорский и Корнилиево-Комельский.

В XVI в. таких монастырей было основано 39, в том числе 18 в Центрально-Промышленном районе, среди них московский Новодевичий (более 2 тыс. дворов) и Богородицкий Свияжский (более 1 тыс.).

Если же учесть, что монастыри, имевшие в конце XVII в. более ста дворов, основывались начиная с XI в. (в этом столетии, например, возник новгородский Юрьев монастырь, имевший в XVII в. более 600 дворов), то общее их число составит в XIV в. 71 (9 из них женских), в XV в. — 103 (13 из них женских) и в XVI в. — 144 (18 из них женских) монастыря [92]. А ведь и среди монастырей, имевших в конце XVII в. менее ста дворов крепостных крестьян, вероятно, были и такие, у которых земельные владения сформировались (или появились) ранее XVII в.

Основание монастырей-вотчинников и пожалование им земель (даже без крестьян) вызывали сопротивление окрестного населения. Крестьяне прогоняли отшельников, основавших монастыри. Это испытали Дмитрий Прилуцкий, Стефан Махрищский, Арсений Комельский, Антоний Сийский. Несколько раз пытались поджечь келью Кирилла Белозерского. Убили Григория и Кассиана Авнежских, Агапита Тотемского. Примеры можно было бы продолжить. Но это не могло остановить основание монастырей и рост их вотчин.

В XVI в. обилие монастырей и монахов бросалось в глаза современникам и удивляло иностранцев. Хозяйственная деятельность церкви, сосредоточение в ее руках огромных земельных владений, закрепощение крестьян, нарушение церковных заповедей архиереями и монахами — вызывало недовольство и осуждение не только со стороны посторонних людей, но и самих церковников, среди которых развернулось движение за отказ от церковных богатств.

В целом прирост числа монастырей составил в XV в. 65 (8 из них женских), а в XVI в. — 204 монастыря (23 женских), несмотря на то, что уже с конца XV в. правительство начинает пытаться ограничить рост землевладения. Чем же объяснить это увеличение темпов основания монастырей? Здесь сыграл свою роль целый ряд факторов.

Главным из них был медленный (обусловленный татаро-монгольским разорением и установившимся игом), но все же рост производительных сил страны, которому способствовало развитие и укрепление феодальных отношений, в то время еще прогрессивных.

Развитие экономики сопровождалось и в значительной мере обусловливалось ростом численности населения. Этот рост был медленным вследствие феодальных войн и вызванных ими голода и

эпидемий, но он был. Войны, голод, эпидемии увеличивали число увечных, инвалидов, одиноких женщин, прибежищем для которых были монастыри-богадельни (характерен рост количества женских монастырей).

Укрепление феодальных отношений выражалось в увеличении зависимости крестьян от феодалов, росте налогов, стеснении их жизни. Для части населения уход в монастырь был средством облегчить себе жизнь.

Источники XVII в. позволяют — несмотря на то, что они все еще разработаны недостаточно — получить более полное представление о монастырях вотчинниках и о землевладении духовенства в целом.

Прежде всего можно выделить монастыри, имевшие в середине и конце XVII в. населенные имения, то есть земли с крепостными крестьянами. Затем можно также установить, сколько крестьян было у епархий и церквей в конце XVII в. и сколько было земли у духовенства во второй половине XVII в.

Хотя приобретение земель монастырями было в конце XVI в. ограничено правительством, оно все же продолжалось, и владения духовенства возросли. Сильно увеличилось и количество монастырей (правда, часть из возникших в XVII в. без указания года, возможно, была основана еще в XVI в.).

В XVII в. было основано 657 монастырей (156 из них женских) — в полтора раза больше, чем в XVI. При этом, несмотря на ограничение монастырского землевладения, 189 монастырей, то есть около трети, имели в конце XVII в. крепостных крестьян. В их число вошли только те монастыри, которые имели крестьян в конце столетия; но монастырей, имевших крепостных лишь в середине века, было очень мало, не больше двух десятков. К концу столетия многие монастыри прекратили свое существование. Прибавив количество основанных монастырей (657) к числу бывших в конце XVI в. (771), получим 1 428, а исключив бывшие в конце XVII в. (1 153), определим количество ликвидированных — 275 (41 из них женский) монастырей [92]. Правда, полной уверенности в том, что все они перестали существовать именно в XVII в., нет: ликвидация могла происходить и в первой половине XVIII в. Но даже за полтора столетия это значительная цифра.

В целом в девяти районах Европейской России городских монастырей было меньше, чем сельских, — соответственно 240 (95 из них женских) и 310 (32 из них женских). Женских монастырей в городах было гораздо больше. Это объясняется положением крестьянок и горожанок в производстве: вдовы-крестьянки были больше

заняты хозяйством и, вероятно, лучше обеспечены материально, вдовы-горожанки же с потерей кормильца — купца, ремесленника, военнослужащего, духовного лица — оказывались в более трудном положении. Кроме того, крестьянским девушкам, на которых в деревне смотрели как на рабочую силу в семье, легче было выйти замуж, а в городе процент незамужних был, вероятно, выше. Впрочем, вопрос этот нуждается в дополнительном изучении.

В XVII в., как известно, шло заселение Сибири, интенсивность которого нашла выражение в появлении там монастырей. Их было основано 29 городских и 14 сельских, итого 43 (11 из них женских), в том числе — соответственно 12 и 6, итого 18 (3 из них женских), имевших в конце столетия зависимых крестьян.

Начиная с середины XVII в., несмотря на набеги крымских татар, все большие размеры принимает народное переселение в южные лесостепные работы. Сюда приходят украинцы и русские из уездов Черноземного Центра, где распространяется и укрепляется крепостное право. Нуждаясь в обеспечении защиты от набегов крымцев, русское правительство берет беглых на военную службу, строит крепости, призывает украинцев, дает им льготы и тем самым активно способствует заселению обширного района, получившего в конце XVII или в начале XVIII в. из-за обилия поселений на льготе (слобод) название Слободской Украины. Естественно, вместе с новыми крепостями, городами, крупными слободами в них или неподалеку от них появляются монастыри. Возникают они и возле крупных станиц на Дону, где у казаков развиваются земледелие и оседлый образ жизни, сопровождаемые имущественным неравенством, переходящим в классовое расслоение казачества.

Во второй половине XVII века в состав России вошли Киев и Левобережная Украина. После освобождения этой части Украины от татаро-монгольского ига и включения ее в Польско-Литовское государство, где господствующей религией было католичество, основание православных монастырей там шло медленно.

Много изменений в церковной и монашеской жизни произошло после секуляризации церковных владений в 1764 г., что создало совершенно новые условия монастырской жизни в Русской Церкви. Казалось бы, секуляризация должна была положить конец обмирщающему влиянию хозяйства на монашескую жизнь. Синоду и епархиальным архиереям просто необходимо было разработать, с учетом этого обстоятельства, реформу монастырского быта или, по крайней мере, принять действенные меры по его улучшению. Ничего, однако, не было сделано, и тема эта вообще всерьез не обсуждалась. Лишь

позже, через 20-30 лет после секуляризации, можно было наблюдать попытки отдельных епископов (причем предпринимавшиеся по их личной инициативе) каким-то образом улучшить монастырский быт, но делалось это в то время, когда процесс обмирщения все глубже и глубже проникал в жизнь монашества. С одной стороны, это были лишь одиночные примеры, которые носили ограниченный, местный характер, а с другой — за этими попытками не ощущалось хорошо продуманной программы реформ. И все же эти попытки не прошли бесследно для жизни отдельных монастырей, оказав на нее благотворное влияние. Но и тогда, когда проявились положительные результаты этих усовершенствований, Синод не использовал благоприятной возможности. С его стороны принимались полумеры или проводились мероприятия негативного характера, которые ослабляли действие уже происшедших улучшений в монастырской жизни.

При проведении секуляризации в 1764 г. в церковных кругах сложилось два разных отношения к этой реформе. Согласно одной точке зрения, отрицалось право государства секуляризировать церковное достояние; вторая же носила чисто практический характер, то есть заключалась в рассуждении о последствиях секуляризации для Церкви и ее учреждений, во взвешивании ее отрицательных и положительных сторон и в устройстве такого быта этих учреждений, который бы соответствовал новой ситуации. Заметим, что Церковь раньше никогда не признавала права государства на такие деяния, и теперь, после секуляризации, считала себя ограбленной государством, хотя государство взамен отнятых имений выплачивало ей из государственной казны содержание, которое, правда, не равнялось доходу от изъятых владений, но все же было немалым, что, в сущности, отнюдь не ставило Церковь в безвыходное положение, к тому же впоследствии это содержание, как известно, было увеличено. Секуляризация явилась логическим следствием введения при Петре Великом государственной церковности, окончательно сложившейся в эпоху Екатерины.

Ввиду усиления абсолютистской императорской власти при Екатерине всякая борьба Церкви против государственной церковности стала безнадежной. Для Церкви необходимо было поэтому, принимая во внимание практическую сторону секуляризации, приспособиться к новому своему положению. Учесть эту сторону реформы Екатерины было особенно важно для монашества, ибо, признав новую ситуацию, оно могло бы заняться основательной реформой внутреннего монастырского быта. Но монашество этого не сделало; оправдать это можно было бы в том случае, если бы Церковь действительно направила все

силы на восстановление своих прав на церковные владения. Втихомолку церковные иерархи рассматривали секуляризацию как своего рода ограбление Церкви, но в открытую оппозиция проявилась лишь в известном выступлении митрополита Ростовского Арсения Мацеевича, который явной поддержки среди иерархии и монашества не нашел. Может быть, это объясняется тем, что экономические последствия секуляризации привлекли к себе все внимание иерархии и монашества. Монашество не обнаружило явной и действенной оппозиции — после всех правительственных мероприятий XVIII столетия оно оказалось для этого слишком обескровленным, внутренне раздавленным, оно сохранило слишком мало влияния на церковную жизнь, чтобы отважиться на оппозицию или открытое выступление против секуляризации.

Арсений Мацеевич принадлежал к тем архиереям XVIII в., которые происходили из Южной Руси, из Малороссии, и во времена Петра Великого приобретали все большее влияние в Русской Церкви; царь, не доверявший великорусскому епископату, благоволил к представителям южнорусской иерархии и охотно назначал их на архиерейские кафедры.

В первой половине XVIII в. эксплуатация крестьян усилилась, возросли государственные повинности. Крестьяне ответили активизацией классовой борьбы. Справиться с крестьянскими волнениями монастыри не могли. В этих условиях правительство решило завершить секуляризацию: в 1764 г. у духовенства были отобраны населенные имения, крестьяне составили одну из групп государственных крестьян, значительное число монастырей было закрыто.

Например, в четырех старозаселенных районах Российской империи (Центрально-Промышленный, Озерный, Западный и Северный) было упразднено 340 монастырей (69 из них женских), что составило 49%. В заселявшихся районах (Центрально-Черноземный, Среднее и Нижнее Поволжье, Северное и Южное Приуралье) — 100 монастырей, 33 из них женских (43%). Всего в Европейской части империи, кроме Киева и Левобережной (вместе со Слободской) Украины, было упразднено 440 монастырей (102 из них женских) из 930, или 47% — почти половина.

Упразднение сопровождалось разделением монастырей на классы в соответствии с вводившимися штатами. Намечалось иметь в великороссийских епархиях всего 385 монастырей (67 из них женских), в том числе I класса — 20 (4 из них женских), II класса — 59 (18 из них женских), III класса — 145 (45 из них женских) и 161 заштатный монастырь [92].

Положение, созданное секуляризацией 1764 г., не оставалось неизменным. Хотя де-факто церковные владения исчезли, но де-юре государство не отменяло права церковных учреждений на владение землей, и в течение следующих 100 лет государственное законодательство установило различные льготы для церковных земельных владений. Земельные участки отдельных монастырей в XIX в. уже не достигали таких размеров, как в XVI-XVII столетиях, и все же монастыри по-прежнему довольно успешно занимались покупкой земли. Некоторые обители обогащались и в XIX в. Кроме того, отдельные монастыри достигли немалого благосостояния благодаря денежным подаркам и пожертвованиям драгоценностей. Как и в XVI в., в XIX столетии многие монастыри располагали большими капиталами, которые настоятели использовали для улучшения монастырского благосостояния.

После секуляризации оставалось 226 штатных и 161 заштатный монастырь, всего 387 (в Великороссии). В начале XIX в., когда в Южной России и в Беларуси было закрыто 40 обителей, во всей империи оставалось только 452 монастыря.

В XIX в. происходит рост числа монастырей. Количественно это хорошо показал в своей работе «Русское монашество (998-1917). Приложение к «Истории Русской Церкви» И.К. Смолич. В 1810 г. было 452 православных монастыря, в 1855 — 544, в 1893 — 742, в 1914 — 1 025 монастырей [33, с. 364-365].

Глава 2

ТИПОЛОГИЯ МОНАСТЫРСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ (НА РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ)

Монашество (от гр. monachos — одинокий, отшельник, затворник) — способ жизни религиозного человека или группы единоверцев, основанный на принципах аскетизма (отказ от имущества, брака и светских развлечений), на осознанном подчинении строгой дисциплине, а также дуалистическом противопоставлении земного и небесного, духовного и телесного, хорошего и злого начал. Идея монашества берет свое начало в брахманизме, буддизме, египетском культе Сераписа и др., однако активное воплощение наблюдается в христианстве, где случаи монашеского служения наблюдаются уже во II в. н. э.

На русских и белорусских землях сформировался особый тип православного монастыря. Несмотря на то, что генетически он связан с общехристианским началом, византийским духовным и культурным наследием, в иночестве очень рано проявились индивидуальные черты. Монашество, сохранив аскетическую традицию Византии, усилило евангельский элемент, который в своей основе имел действенную любовь служения людям, милосердие.

На белорусских землях православные монастыри появились в XII в.: Бельчицкий Борисоглебский монастырь в предместье Полоцка Бельчицы, на левом берегу Западной Двины при впадении ее в р. Бельчанка, и Спасо-Евфросиниевский монастырь в г. Полоцке на правом берегу р. Палата [13]. Идеи аскетизма, милосердия, любви к служению людям были перенесены и в монастыри на белорусских землях.

Православные обители удалены от мира, но в то же время органично связаны с жизнью округи, организовывают ее в самых значительных областях, как материальных, так и духовных. Одной из особенностей монастырей является то, что обители «пронизывали» все сферы жизни народа: политику, культуру, уклад, экономику и т.д. Монастырь активно влиял на формирование культурного ландшафта, на планировочную структуру и объемно-пространственную композицию городских и сельских поселений и т.п. Святых (их деятельность преимущественно связана с монастырями) отличало то, что их жизнь служила примером, ориентиром для большинства населения своего государства. Поэтому изучение монастыря невозможно без исследования историко-культурной среды его окружения, будь то город или любое сельское поселение — село, погост, пустошь и т.д.

Монастырский тип поселения можно определить как постоянные или временные населенные пункты, расположенные на принадлежащих обители землях, где проживают люди, так или иначе связанные с монастырем различными отношениями: духовными, экономическими, социокультурными и подчиняющиеся определенным нормам и правилам жизненного уклада.

В Русском государстве время возникновения монастырских поселений связано с принятием христианства. Как уже отмечалось, основателями иночества считаются святые Антоний и Феодосий Печерские — создатели Киево-Печерской лавры. Возникновение монастырских поселений на белорусских землях связано с Евфросинией Полоцкой. На протяжении тысячелетней истории судьба монастырских поселений полностью зависела от политической и идеологической обстановки, ориентированной на создание обителей (как в период XIV-XV вв.) либо на их полную ликвидацию, как случилось в 1930-1940-е годы. Появление и распространение первых монастырских поселений связано с процессом развития и становления городов: Владимира, Суздаля, Новгорода, Пскова, Полоцка, Москвы, Твери и других. В XIV столетии преподобный Сергий Радонежский положил начало пустынножительству, основав новый тип обители — пустынь, с чего началось освоение незаселенных территорий на юг от Москвы и на северо-запад, позднее — на Урал и в других направлениях [13].

Типы монастырских поселений (как городских, так и сельских) характеризуются следующим образом: сами монастыри, подмонастырские поселения (расположенные недалеко от обители), отдаленные поселения вотчинных монастырей, а также отдельные монастырские поселения, имеющие постоянный или временный статус.

Духовным и культурным центром монастырских поселений является территория монастыря. Структура территории иноческой обители сложна по организации, так как, с одной стороны, монастырь воплощает высший духовно-символический идеал обители как «образа Небесного Града Иерусалима», с другой — он связан с широким спектром производственно-трудовой и хозяйственной деятельности. Каждый монастырь, как правило, имеет ограду с башнями и вратами, собор — главный храм монастыря — несколько церквей с колокольнями и часовни, а также настоятельские и братские корпуса, трапезную, гостиницы, странноприимные дома, больничные кельи (многочисленные производственные и хозяйственные сооружения). Непременным условием было наличие сада, символизирующего образ Райского сада, а также кладбище.

Территория монастыря имела тенденцию к своему развитию и изменению. Изначально в обителях сложился принцип функционального зонирования территории: всегда выделялись собор и храмы, настоятельские и братские корпуса, гостиницы и странноприимные дома, все же основные хозяйственные и производственные службы были отнесены ближе к ограде или выводились на отдельный служебный двор вне ограды. Например, архитектурный ансамбль Свято-Успенского мужского монастыря в Жировичах (Гродненская обл.) включал Свято-Успенский собор, Свято-Явленскую, Свято-Крестовоздвиженскую и Свято-Георгиевскую церкви, колокольню, здания старой и новой семинарий, жилой корпус, трапезную, госпиталь, ряд хозяйственных построек, а также сад, огород, пруды. Монастырский комплекс имеет красочную объемно-пространственную композицию.

Типы монастырских поселений, расположенных в непосредственной близости от обители, были разнообразны. Например, городское монастырское поселение, которое располагалось на принадлежавших обители землях на посаде, в слободе, изредка в кремле. Сельские подмонастырские поселения представлены селами и слободами. Подмонастырские поселения вотчинных монастырей в Российской империи существовали до реформы 1764 г., т.е. до Указа о секуляризации монастырских землевладений, после чего они были закреплены за Коллегией экономии, а некоторые поселения — за военными службами, Олонецкими заводами, а также отдельными помещиками.

В послереформенное время специфика подмонастырских поселений сохранялась, так как на новой экономической основе (работа по найму) горожане и крестьяне продолжали работу на обитель. Особенностью подмонастырских сельских поселений являлось то, что они представляли собой полифункциональные поселения с развитым сельским хозяйством, а также производством, ремеслом и торговлей. В большинстве своем данная ориентация существовала до закрытия обителей в советское время. После 1917 г. этот тип сел преимущественно утратил многообразие своих функций, впоследствии превратившись в однотипные колхозы и совхозы, а традиционные промыслы и ремесла существовали в основном до 30-х годов и были связаны с артелями, занимавшимися определенными видами промыслов.

Каково же было положение православных монастырей и церквей на белорусских землях в XVIII в., входивших в состав Речи Посполитой? На 1755 г. в Белорусской православной епархии насчитывалось 130 церквей. Количество православных поселений на территории ВКЛ в конце XVIII в. достигло 250 тыс. человек. После присоединения территории ВКЛ к Российской империи главным резервом

для увеличения православной паствы было униатское население. После второго раздела Речи Посполитой (1793 г.) на присоединенных территориях были созданы Минская, Изяславская и Брацлавская православные епархии. После третьего раздела Речи Посполитой (1795 г.) территории Минской, Изяславской и Брацлавской православных епархий значительно увеличились. В православное ведомство переходило два минских базилианских монастыря. Границы епархий часто менялись, особенно Минской. В связи с этим архиепископу Виктору были подчинены все православные церкви и монастыри, которые еще до третьего раздела находились в границах Речи Посполитой. По ведомостям 1793 г. в границах Минской, Брацлавской и Изяславской епархий было 329 церквей, 22 мужских и 4 женских монастыря.

Монастыри и приходские церкви содержались исключительно на пожертвованиях. В 1798 г. Св. Синод дал указание минскому епископу Иову ввести в своей епархии продажу свечей на содержание церквей. Однако этих денег было мало. Такими же бедными были и монастыри.

Православные монастыри делились по штатному расписанию на лавры, кафедральные, I, II, III классов, заштатные, приписные и упраздненные. Всего в 1795 г. на территории белорусско-литовских губерний существовало: монастырь I класса, два — II класса, 28 заштатных, три упраздненных. С 1797 г. монастыри I класса получали от государства 1 753 руб., II класса — 1 095 руб. заштатные денег не получали. Государство выделяло им 300 руб. в год. Норма монастырских владений была 30 десятин земли.

К отдельному виду монастырских поселений относятся отдаленные поселения, находившиеся на значительном расстоянии от обители (от 300 км и более). К городским монастырским поселениям данного типа относились, как правило, части посада, слободы. Наблюдались случаи, когда в одном городе части поселения принадлежали различным монастырям.

Среди рассматриваемых типов отдаленных монастырских поселений самыми многочисленными являются сельские вотчинные монастырские поселения: волости, погосты, села, слободы, деревни, селища, пустоши и т.д. Характерно, что вотчинные монастыри в своих сельских поселениях открывали приписные обители. Так, московский Симонов монастырь в своих вотчинных владениях на Селигере в слободе Николо-Рожок в XIV веке открыл Николо-Рожковский монастырь. После секуляризации земель в 1764 г. жители городских и сельских отдаленных монастырских поселений находились в управлении

Коллегии экономии, были также приписаны к различным казенным государственным, военным службам, промышленным предприятиям, а также отдельным помещикам. В XVIII-XIX веках система управления отдаленными монастырскими поселениями претерпела значительные изменения, обители практически утратили право на управление, а все полномочия перешли в руки светских чиновников различных бюрократических ведомств, а также военного ведомства и управления промышленными предприятиями.

К типу (отдельных) локальных монастырских поселений относятся сельские поселения безвотчинных монастырей; как правило, это были пустоши и полупустоши. Этот тип монастырских поселений, известный со средневекового периода и просуществовавший до советского, незначителен. На пустошах и полупустошах размещались единичные хозяйственные или промышленные сооружения (к примеру, скотные дворы, мельницы, коптильни и т.д.), при которых жила семья наемного рабочего или трудника. Известны примеры, когда после 1917 г. монастырские пустоши и полупустоши получили свое развитие и превратились в центральные усадьбы колхозов и совхозов (к примеру, полупустошь монастыря Нилова, пустыни Сиговка и Святое в Осташковском районе Тверской области).

Монастырские доходные дома и постоялые дворы также можно отнести к типу локальных монастырских поселений. Пятьдесят монастырей имели свои домовладения в Москве, а многие в Санкт-Петербурге и других уездных и губернских городах. К локальному типу монастырских поселений относятся подворья, представляющие комплекс жилых и служебных помещений обители, а также церковь. Как правило, подворья размещались в уездных, губернских городах. Самые крупные монастыри имели свои подворья в различных городах: Нилова пустынь содержала подворья в Осташкове, Твери, Новгороде, Москве [13].

Особый тип поселения представляли и локальные временные монастырские поселения, к которым относились небольшие сооружения, расположенные на месте различных промыслов (к примеру, сторожки для рыболовов, охотников и т.п.), где временно жили монастырские работники, трудники, или принятые по найму рабочие.

Таким образом, выше представлены основные типы монастырских поселений. Изменения в системе их существования связаны, как показывает исторический опыт, с преобразованием землевладений, с секуляризацией монастырских земель, которая проводилась неоднократно (основными явились реформы 1764 г. и советского периода). Во все исторические периоды ядром монастырских поселений оста-

вался монастырь, который на основе духовных, правовых и социально-экономических норм формировал связи с городами, селами и т.п. Монастырские поселения представляют самый сложный тип, так как монастыри в культурном, духовном, социально-экономическом отношении на протяжении тысячелетней истории являлись ведущими духовными и культурными центрами.

Стержнем, основой жизненного уклада и культуры на белорусских и русских землях на протяжении их тысячелетней истории являлась Святость как высший духовный и нравственный идеал, как особая жизненная позиция. Наиболее полно этот идеал воплотили и претворили в жизнь святые, а также православные монастыри, основанные ими и ставшие духовными и культурными центрами. В истории мы имеем продолжительный период разрушения православных обителей, как это было в период секуляризации церковных земель. С XVIII столетия государственная политика была направлена на изменение духовно-нравственной основы монастырей: вместо иноков в обители помещались «больные, нищие, душевнобольные и особенно отставные солдаты, вводилась система полицейских доносов правительству о прихожанах»; велась сознательная политика снижения культурного и духовного уровня иноков, священнослужителей, что привело к глубокому кризису монастырей на рубеже XIX-XX вв. Продолжением данных «традиций» явился советский период, когда с 1930 по 1940 год были закрыты все монастыри, включая духовный центр — Троице-Сергиеву лавру, исключение составил лишь Псково-Печерский монастырь, так как в данный период он входил в состав территории Эстонии.

В современных условиях, когда разрушены многие традиции, актуальным представляется понимание феномена православного монастыря, который является уникальной лабораторией, где осуществляется великий синтез Богословия, художества, науки, ремесел и литературно-литургического творчества. Этот духовный сплав, синтез питал духовными токами, учил и организовывал, будил и вдохновлял к творчеству все окрестное население.

Типологию монастырей можно представить следующим образом:

а) по составу иноков обители подразделяются на мужские и женские;

б) по уставу, регламентирующему устройство и уклад жизни обители, монастыри могут быть общежитийными (киновии) (от гр. Koivoßioς — общежитие, лат. commynis — общий), где монашествующая община имела общее имущество, средства, трапезу, одинаковую одежду и т.п. Подобные обители особо почитались, так как здесь

строго соблюдался монастырский устав. В качестве примера можно привести Троице-Сергиеву лавру, Кирилло-Белозерский монастырь. В необщежительных (другое название «особожитные») монастырях члены иноческой общины имели собственное имущество, средства, пищу, одежду и т.п., общими были лишь молитва в храме и выполнение иноческих послушаний. Это московские Спасо-Андроников, Свято-Данилов монастыри.

Наиболее строго соблюдался устав в пустыни, то есть уединенном монастыре или отдельной келье с часовней, расположенной в труднодоступном месте. Строгие правила были в скиту, состоявшем из нескольких келий с храмом или часовней и находившимся на расстоянии трех-пяти километров от обители. В скиту находились старцы — наиболее зрелые в духовном и возрастном отношении монахи, которые вели исключительно аскетический образ жизни. В скитах не занимались хозяйством. Отмечу, что скиты имели наиболее значимые монастыри: к примеру, Троице-Сергиева Лавра, Валаамский, Нилова пустынь;

в) по системе подчиненности, содержанию, управлению и размерам монастыри подразделяются на лавры — самые значимые мужские монастыри (Киево-Печерская с 1598 г., Троице-Сергиева с 1744 г., Александро-Невская с 1797 г., Почаево-Успенская с 1833 г.); ставропигиальные монастыри — большие и известные обители, находящиеся под управлением архиереев (московский Донской); домовые великокняжеские, княжеские, царские, митрополичьи, патриаршие монастыри (предназначение — иметь устроителям личное богомолье и богомольцев, духовника, родовую усыпальницу с неукоснительным поминанием погребенных в ней лиц; как пример — подмосковный Новинский монастырь); храмы-монастыри — особый тип обители, возникал, если построенный вотчинный храм не имел прихода и в нем служил иеромонах; мирские монастыри-обители, организованные мирянами: горожанами, крестьянами, помещиками, купцами и т.д.

С 1764 года решением Синода монастыри подразделялись на штатные, получавшие содержание от казны (обители 1-го класса имели в штате 33 инока, 2-го класса — 16, 3-го класса — 12 иноков, при этом данному количеству соответствовало аналогичное количество послушников), и монастыри заштатные, не получавшие от казны государственного содержания. Так, Могилевский Свято-Богоявленский мужской (братский) монастырь в 1828 г. был причислен ко 2-му классу с названием «училищного», а в 1842 г. — к 1-му классу [13], Полоцкий Свято-Богоявленский мужской монастырь из заштатного был отнесен ко 2-му классу [13]. Кроме того, существовали приписные

монастыри, представлявшие собой небольшие обители и получавшие на свое содержание средства от больших и богатых монастырей, к которым были приписаны. Показателен факт, что крупные обители имели несколько приписных монастырей, как, например, в России Саввино-Сторожевский в Звенигороде (19 монастырей), Нилова пустынь (3 монастыря).

Послушнические монастыри — женские иноческие общины, «полумонастыри», представлявшие собой переходную ступень от светской жизни к монашеской; по типу организации, устройству жизни подобны монастырю, но члены общины не принимали иноческого обета. Интересен факт, что в царствование Александра II было открыто 29 обителей, из них 15 образовано на основе послушнических монастырей;

г) по отношению к владению крестьянами монастыри подразделялись на вотчинные, то есть имевшие в своем владении крестьян, и безвотчинные, не располагавшие ими. Безвотчинные монастыри были немногочисленны, как, например, Нилова пустынь на озере Селигер в Тверской области;

д) по хронологическому признаку обители России можно подразделить на монастыри периода Киевской Руси (X-XИ вв.), феодальной раздробленности (XIII-XIV вв.), времени становления и укрепления российской государственности (XV-XVI вв.), XVII столетия, Синодального периода (XVIII — нач. XX вв.), советского периода (1920-1991 гг.), постсоветского времени (с 1991 года по настоящее время).

Это периоды основания монастырей, особых условий функционирования, развития, строительства и т.п.;

е) по значимости функций монастыри разделяются на общерусские духовные и культурные центры (Троице-Сергиева лавра, Соловецкий, Валаамский, Псково-Печерский, Новгородский Юрьев монастыри, Оптина пустынь, Нилова пустынь, Саровская пустынь); региональные центры (к примеру, Тверской Успенский Отроч монастырь, Полоцкий Спасо-Евфросиниевский, Свято-Успенский Жировичский мужской монастыри и т.п.); местные, центры (в основном к этому типу относятся мирские монастыри, например Пинский Свято-Богоявленский Братский мужской монастырь и т.п.);

ж) по территориально-географическому признаку монастыри можно разделить на городские и сельские, а также по региональным характеристикам (например, западной части Беларуси и ее восточной части). Имеет смысл разделение по типу ландшафтно-природных особенностей: монастыри на возвышенностях и на горах (Новый Афон); монастыри на берегах больших или малых рек (Могилевский

Свято-Преображенский монастырь, Свято-Успенский Кутеинский женский монастырь в трех верстах от Орши) или у слияний рек; монастыри прибрежно-озерного типа (Знаменский девичий на берегу озера Селигер в городе Осташкове); полуостровные озерные (мужской Житенный на озере Селигер в городе Осташкове); островные озерные (Спас-Каменный на Кубенском озере в Вологодской области); монастыри приморско-прибрежного типа (Пертоминский монастырь на восточном берегу Унской губы Белого моря в Архангельской области); морские островные (Крестный Онежский монастырь на острове Кий в Белом море); островные океанские монастыри (Николаевский Новоземельский скит при Карельском монастыре на острове Новая Земля в Ледовитом океане);

з) особо следует выделить монастыри, основанные святыми Русской Православной церкви (к примеру, Троице-Сергиева лавра, Кирилло-Белозерский монастырь, Нилова пустынь и т.п.);

и) мемориальные монастыри, заложенные в память какого-то важного исторического события (к примеру, Спасо-Богородицкий монастырь в Можайском районе Московской области, ставший памятником в честь Бородинского сражения);

к) монастыри, построенные в честь чудесных явлений (Жировичский Свято-Успенский мужской монастырь) [26, с. 9-10; 13].

Таким образом, предложенные в данной типологии параметры дают возможность исследователям определить широкий спектр направлений в области научных разработок по проблеме «Православные монастыри на белорусских и русских землях».

Глава 3

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧОНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Первоначально Чонский монастырь был построен как старообрядческий. Успенский общежительный старообрядческий мужской монастырь находился в Белицком повете Могилевской губернии на левом берегу реки Сож, в окруженном лесом месте Чонка, от которого обитель и получила название. Согласно данным белорусского историка, археографа и языковеда И.И. Григоровича (1792-1852) монастырь основан в 1775 г. иноком Феофилактом. В Национальном историческом архиве Республики Беларусь нами найден документ, где отмечается, что монастырь был построен в 1764 г. без правительственного разрешения [8, с. 31]. Монастырская земля принадлежала панам Кельчевским и Устиновичам, которым по контракту монастырь обязан был платить 10 лет по 20 руб., а после окончания этого срока — в два раза больше. Однако когда в 1786 г. хозяева продали в казну урочище Щокот с прилегающими к нему землями (для строительства на том месте уездного города Новая Белица), то в собственность казны перешли монастырская земля и вышеназванные платежи оброчной суммы. В результате в 1800 г. землю, которой пользовался монастырь до этого времени, согласно высочайшему указу, исключили из казенных оброков и отдали монастырю на вечное пользование, хотя еще окончательно не отделили.

Чонковский монастырь, как старообрядческий, в числе других находился под руководством архиерея Новороссийской епархии. В царствование Павла Петровича, в 1798 г., старообрядческий Чонский монастырь был присоединен к православию на правах единоверия и стал именоваться единоверческим монастырем (в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона годом присоединения указан 1795-й). В 1799 г. был переведен в Могилевскую епархию с правом сохранения старых обрядов. Располагался монастырь в прекрасном месте, окруженном сосновым строевым лесом. Зимой можно было доехать на извозчике за один или полтора рубля, а летом за 20 копеек на пароходе, который останавливался вблизи монастыря [9, с. 224].

В 1822 г., сохранив старые обряды и старопечатные книги, монастырь полностью присоединился к православию, после чего по одежде, чтению и песнопению напоминал Соровскую и Валаамскую пустыни. Все строения в нем были деревянные [8, с. 31-32].

В течение своей достаточно долгой истории Чонский монастырь несколько раз менял свое устройство, то богатея и расширяясь, то уменьшаясь после переездов в другое место.

В XVIII в. происходит деление монастырей на штатные и заштатные. Первые получали пособие от казны, вторые существовали только за счет собственных доходов. Штатные монастыри разделялись на три класса, различие между которыми состояло в величине получаемых средств и в престижности. В XIX в. классность монастырей стала прежде всего свидетельством его величия, ибо некоторые монастыри добились окладов по особым штатам, а часть была возведена классом выше без добавочного оклада.

Настоятели первоклассных и второклассных монастырей имели сан архимандрита, а третьеклассных — игумена. Настоятельницы женских монастырей были возведены в сан игуменьи.

Начало учета всей финансово-хозяйственной деятельности Чонского монастыря было организовано в 1800 г. 19 августа 1800 г. из Белорусской духовной консистории на имя настоятеля обители было отправлено письмо. В нем говорилось о том, что, согласно императорскому указу, обо всех существующих монастырях должны быть составлены сведения. Настоятель монастыря должен был предоставить в духовную консисторию сведения такого характера: на каких польских землях находился монастырь; какие земли и другие угодия были у монастыря, кем и когда они были даны; какие имели польские привилегии; какие принадлежали монастырю деревни и сколько было душ мужского пола; какой доход получал монастырь; по каким распоряжениям получал другие доходы; кто возглавлял монастырь в предыдущие годы его существования [36, л. 49].

Богатство любого монастыря зависело от количества земли. Согласно ведомости Белицкого уезда о землях Чонского монастыря, а также имеющемуся в ней описанию происхождения монастырской земли видно, что на 12 декабря 1800 г. монастырь имел 319 десятин и 1000 сажен земельных угодий. Земли находились в районе Щокотовского урочища. На все земли был составлен план, имелась межевая книга [37, л. 9]. При завершении строительства уездного города Новая Белица потребовались дополнительные земли, и часть земель монастыря отошла под запланированное строительство.

28 сентября 1828 года монастырю был присвоен 3-й класс с выделением из казны суммы 2 184 руб. 98% коп. На этот год земельных угодий у монастыря было 110 десятин 2 205 сажен [35, л. 6].

В 1830 г. Чонский монастырь был переименован в православный в связи с тем, что монастырь не находил надлежащего числа братии из старообрядцев-единоверцев [10, с. 61].

Произведенный передел земельных угодий, а также дарение земли монастырю привели к тому, что к 1836 г. монастырь имел больше земли, чем в 1828 г. Так, удобной пахотной земли было 67 десятин и 1025 сажен, неудобной пахотной земли — 29 десятин 997 сажен. Строевого леса не было. Так называемого дровяного леса было 15 десятин и 92 сажени. Располагал монастырь хорошими сенокосами. В урочище Щокот было 28 десятин и 1080 сажен сенокосных угодий, а в урочище Раздоры — 30 десятин. Таким образом, к 1836 г. Чонский монастырь имел 169 десятин и 1065 аршин общего количества земельных угодий. К этому времени обитель была переведена в разряд третьеклассного мужского уездного монастыря [37, л. 9].

Уменьшение количества земли было связано еще с одной немаловажной проблемой как для государства, так и для Православной Церкви. Как уже отмечалось, с 1798 г. старообрядческий Чонский монастырь был присоединен к православию на правах единоверия и стал именоваться единоверческим монастырем. Правила монастырской жизни, которые были введены после данного присоединения, не устраивали большинство братии и постепенно ее количество в монастыре уменьшалось. К 1813 г. в обители осталось 8 монахов [38, л. 3-10]. Разумеется, такое количество монахов самостоятельно управиться с ведением большого хозяйства не могло. Для оказания помощи привлекалось население из близлежащих деревень и городов.

4 августа 1845 г. Чонский монастырь был закрыт. Все его имущество, строения, земля, лес передавались Макарьеву единоверческому монастырю. Причиной упразднения старого Чонского монастыря было ежегодное его затопление. Дело в том, что монастырь был построен на низком месте, около самой реки Сож. И в половодье все пристройки затапливались. Монахам сложно было вести богослужение, а монастырь терпел большие убытки.

Макариев монастырь находился около селения Добруш, что на реке Ипути в 30 верстах от Чонского монастыря. Макариев монастырь был построен старообрядцами, как и Чонский, в 1775 г. и находился в их руках до 1839 г. В 1839 г. Макарьев монастырь был закрыт, а в 1844 г. преобразован из старообрядческого в единоверческий. Все имущество монастыря передавалось единоверцам по описи, составленной чиновником особых поручений старшим советником Алябьевым.

Месторасположение Макариева монастыря было более выгодным, чем Чонского, но здесь были свои неудобства. Земли у монастыря было не много. При отсутствии леса и лугов нельзя было вести нормальное хозяйство, которое могло обеспечивать полноценную монашескую жизнь. Недостаток указанных угодий восполнялся передачей монастырю земли упраздненного Чонского монастыря, который имел 319 десятин 1 000 сажен [9, с. 225].

На момент объединения Макариеву единоверческому монастырю принадлежало: 1) монастырские здания, состоящие из главного деревянного одноэтажного с мезонином, с флигелем жилого корпуса; подворье; сад и огород. Все это занимало площадь 4 десятины 1842 квадратные сажени земли; 2) земля: а) пахотная, находящаяся на расстоянии пяти верст от селения Добруш, — 29 десятин 19 квадратных сажен, б) сенокосная, на расстоянии пяти верст от селения Добруш, — 6 десятин 1816 сажен; в) непригодная (под дорогами и реками) — 1770 квадратных сажен.

Упраздненному Чонскому монастырю присоединенному к Макарьеву принадлежало: 1) деревянные монастырские здания: флигель одноэтажный; подворье; сад и огород. Все перечисленное занимало площадь 2 десятины 1 200 квадратных сажен; 2) земля: а) пахотная, находящаяся в урочище Щокот, на расстоянии десяти верст от заштатного г. Белицы, — 21 десятина 400 квадратных сажен, б) сенокосная, находящаяся в урочище Роздоры, на расстоянии десяти верст от г. Белицы, — 31 десятина 2200 квадратных сажен; 3) лесные дачи: а) строевой лес в урочище Щокот, на расстоянии 10 верст от г. Белицы, — 26 десятин 900 квадратных сажен; б) смешанный лес в том же урочище — 109 десятин 400 квадратных сажен; в) непригодная земля под дорогами, зарослями и болотами — 85 десятин 2100 квадратных сажен [61, л. 2—4].

Несмотря на то, что Чонский монастырь был упразднен и присоединен к Макарьеву, учет количества земли велся отдельно по каждой обители. Так, в 1869 г. Макарьеву монастырю принадлежало земли: а) усадебной — 3 десятины 3200 сажен; б) пахотной — 15 десятин 870 сажен; в) сенокосной — 6 десятин 1816 сажен; г) под лесом — 2 десятины 2314 сажен; д) неудобной — 11 десятин 529 сажен. Итого общее количество земли составляло 29 десятин. Количество земли у Чонского монастыря на 1869 г. было значительно больше: а) усадебной — 2 десятины 1 200 сажен; б) пахотной — 21 десятина 400 сажен; в) сенокосной — 31 десятина 2200 сажен; г) под лесом — 213 десятин 500 сажен; д) неудобной — 65 десятин 350

сажен. Общее количество земли, принадлежавшей монастырю, составляло 268 десятин 1900 сажен [62, л. 1].

Условия ведения хозяйства в объединенном монастыре, а главным образом далекое расположение земель бывшей Чонской обители не удовлетворяли братию. После долгих раздумий монахи Макариева монастыря ходатайствовали перед начальством о перенесении монастыря на место бывшего Чонского. 10 июля 1876 г. последовало Высочайшее повеление Государя Императора Александра Николаевича. В нем указывалось, что Макариев монастырь упраздняется и переносится на место бывшего Чонского монастыря. Вновь образованный монастырь стал называться Чонско-Макариев единоверческий монастырь.

Монастырь построили на новом месте, на пригорке, в двух верстах от месторасположения старого монастыря, чуть дальше от Сожа. Место было живописным, монастырь окружал сосновый лес. Монастырская территория в силу расположения была защищена от весенних разливов. За короткое время на монастырской территории построили новые здания и церкви [9, с. 226].

К 1882 г. Чонско-Макариев мужской третьеклассный монастырь увеличивает свои земельные угодия. Согласно ведомости учета имущества и земли, под монастырем находилось 214 десятины земли, усадебной было 3 десятины, пахотной трех степеней — 21 десятина, сенокосной — 32 десятины, под лесом и зарослями находилось 238 десятин, неудобной (под реками, озерами) было 45½ десятины. Всего монастырь владел 342 десятинами 2 200 саженями земли [53, л. 26]. К 1890 г. обитель имела земли 359 десятин 846 сажен [63, л. 3].

Посевы зерновых и других культур были важной составляющей частью монастырского хозяйства. Имеющейся удобной пахотной земли было достаточно для ведения разнопланового хозяйства. В первой половине XIX в. монахи высевали пшеницу, рожь, пеньку, ячмень, овес, гречиху, горох, просо, коноплю, выращивали кормовую и столовую свеклу, картофель, морковь, брюкву, пастернак, капусту. Так, на начало 1832 г. в монастыре имелось: ржи — 8 четвертей, пшеницы — 6 четвертей, ячменя — 3 четверти, овса — 8 четвертей 30 гарнецов, гречихи — 4 четверти, конопли — одна четверть, картофеля — 17 четвертей, 6 четвертей ржи было посеяно.

К октябрю 1837 г., после завершения сельскохозяйственных работ, в монастыре было 150 копен ржи. Из 80 копен намолотили 16 четвертей и 4 четверика зерна. Пшеницы имелось 4 четверика, ячменя 12 копен, гречихи 30 копен, овса 30 копен, гороха — 21 копна. Было намолочено: ячменя 3 четверти и 4 четверика, гречихи —

15 четвертей, конопли — 2 четверти и 4 четверика, проса — 6 четвериков. Льняного масла получено 5 четвериков [9, с. 227].

Часть полученного урожая использовалась для внутреннего употребления, а излишки продавались местному населению или купцам. В феврале 1831 г. было продано 10 четвериков свеклы, 2 четверика картошки и один четверик моркови за 5 руб., 33 фунта коровьего масла за 11 руб. 5 коп., 17 фунтов молока за 1 руб. 19 коп. В марте продано помещику Мамонтову один стог хорошего сена за 65 руб. и 5 возов худшего сена за 16 руб. В этом же месяце продано два четверика моркови за 80 коп. и мякина за 1 руб. 10 коп. В апреле-мае монахи реализовали 30½ фунта масла за 8 руб. 50 коп., 2 четверти картошки за 6 руб., пару быков за 60 руб., телячьих кож на 2 руб. За 1831 г. от реализации своей продукции монастырь получил 326 руб. 97 коп. дохода.

В феврале 1833 г. было реализовано 2 пуда масла за 24 руб., 8 пудов сыра за 19 руб. 20 коп. (каждый пуд по 2 руб. 40 коп.), опилок на 5 руб., также продан стог сена за 50 руб. В октябре этого же года был продан вол за 33 руб. 75 коп., старая корова за 20 руб., старый конь за 22 руб. 50 коп., полтора пуда масла за 19 руб. Монахи продавали также свои старые вещи и одежду. В октябре была реализована старая суконная ряса и суконный монастырский кафтан за 8 руб. 20 коп. В 1833 г. сумма экономических и церковных неокладных денег в монастыре составляла 2 345 руб. 78 коп.

Кроме перечисленного монастырь реализовывал соль, пеньку, капусту и др. В декабре 1835 г. было продано ветковскому купцу 3-й гильдии Ивану Степановичу Дубовику 25 пудов соли за 46 руб., 17 пудов пеньки за 75 руб.

Недостающие продукты, церковную утварь, ткань и одежду, хозяйственный инвентарь и прочее монахи закупали у купцов или у местного населения близлежащих мест. Для собственного питания и питания наемных работников приобреталась свежая, соленая и вяленая рыба, отдельно осетрина, селедка, икра, говядина, ржаная и ячневая мука, конопляное масло, перец, сахар, сало, чай. Для бытовых нужд закупался холст, шелк, писчая бумага, простое белое сукно, рукавицы, рабочая и теплая одежда, обувь, для организации богослужения — церковное вино, воск, подсвечники, деревянное масло, ладан, олива, восковые и сальные свечи. Для ремонта монастыря и церквей приобреталось красное золото, бронза, строевой лес, краска, гвозди, жесть, дранка. Для ведения полевых работ у местного населения закупали зерно для посева, для содержания скота — яровую солому и овес. Дня выполнения отдельных работ и других надоб-

ностей закупали лодку, астролябию для промеров своих земель, косы, сошники, топоры, молотки, «бабки» для клепания кос, упряжь для лошадей, рубанки.

Например, в январе 1830 г. была куплена у Якова Нестерова из д. Бобовичи яровая солома для скота за 12 руб. 90 коп. В этой же деревне у крестьянина Семена Ивашова куплен овес для лошадей в количестве 4 четвертей и 6 четвериков за 19 руб. 95 коп. У крестьянина Ивана Васильева куплено 8 возов яровой соломы за 5 руб. 20 коп. В этом же месяце монахи закупили 2 пуда и 20 фунтов свежей рыбы за 10 руб. В мае было куплено икры на 4 руб., различного зерна и семян овощей для посевных работ на сумму 9 руб. [9, с. 228].

Как правило, летом монахи закупали муку. Это было связано с тем, что зерно, собираемое со своих пахотных земель, шло на фураж, а муку закупали уже готовую, или привезенную из южных районов — более качественную. В июне — июле 1835 г. у жителя Гомеля Василия Якимова Жихорова было куплено 25 пудов ржаной муки и 1 пуд ячневой муки по 1 руб. 90 коп. За все было уплачено 49 руб. 40 коп. У жителя Гомеля Абрама Дельмана купили 9 пудов ржаной муки и 1 пуд ячневой по цене 1 руб. 80 коп. за пуд. У помещика Григория Климовича куплено конопляного масла на сумму 4 руб. 74 коп., три ведра водки для уборки ржи и сена за 12 руб. У Василия Виноградова куплено две бутылки церковного вина по цене 2 руб. 40 коп. и один фунт перца по цене 1 руб. 20 коп. В декабре, в период поста, монахи покупали много разной рыбы. Так, в декабре 1836 г. у жителя Гомеля купца 3-й гильдии Михаила Феоктистова куплено: 1 пуд вяленой рыбы за 5 руб. 20 коп., 7 фунтов осетрины по цене 40 коп. за 1 фунт, 10 селедок за 1 руб., 2 фунта икры за 2 руб. 20 коп., 25 фунтов сахара по цене 1 руб. 25 коп. за фунт, общей стоимостью 31 руб. 25 коп., 1 фунт чая за 12 руб. В этом же месяце у Михаила Феоктистова повторно было куплено 2,5 пуда осетрины стоимостью 25 руб. У крестьянина Федора Купреева из с. Бухоловки куплено 2 пуда свежей рыбы за 10 руб. [9, с. 229].

Урожайным для братии монастыря был 1837 год. Всего было скошено 150 коп ржи. К октябрю из 80 коп ржи намолотили 16 четвертей и 4 гарца зерна, 70 коп ржи было оставлено на хранение. Из намолоченного количества было использовано для посева озимых 8 четвертей и 4 гарца ржи. Среди запасов было: пшеницы — 4 гарца; ячменя — 12 коп; зерна из ячменя — 3 четверти и 4 гарца; гречихи — 30 коп; зерна из гречихи — 15 четвертей; овса — 30 коп; конопли — 2 четверти и 4 гарца; гороха — 21 копа; проса — 6 гарцев; льняного масла — 5 гарцев [35, л. 6-6 об.].

Второй важной составляющей частью монастырского хозяйства было животноводство. Монастырь располагался неподалеку от леса и заливных лугов. Как отмечалось выше, он имел 58 десятин и 1 080 сажен сенокосов. Это была хорошая кормовая база для разведения мелкого и крупного скота. В 1832 г. монастырь имел из крупного скота 19 коров, одного быка, одного вола, четырех лошадей, семь молодых телок и четырех быков. В этом же году были проданы два подсвинка и одна овца, из мелкой птицы — 14 кур и 5 павлинов. Занимались в монастыре и пчеловодством: мед качали из четырех ульев [39, с. 5 об. — 6].

На протяжении многих лет животноводство было на высоком и стабильном уровне. Например, в 1836 г. общий количественный показатель крупного и мелкого скота был даже лучшим, чем в 1832 г. Из крупного скота было 18 коров, 2 вола, 3 быка, 6 лошадей, 14 молодых телок и 2 быка. Из птицы — 20 кур и 3 павлина. Увеличилась и пасека. На этот год имелось уже 9 ульев [40, л. 7 об. — 8]. Пчеловодство в монастыре с каждым годом расширялось. В 1837 г. Монастырь имел уже 19 ульев [35, л. 7]. Пчеловодство было весьма выгодным занятием. В первую очередь мед использовался во время поста как питательный продукт, его также при хороших сборах можно было выгодно продать. Полученный воск использовался для приготовления свечей.

Анализ приходно-расходных ведомостей показывает, что продажа масла, сыра и скота давала монастырю до 60% всего дохода. Например, в 1833 г. было продано: 3,5 пуда масла общей стоимостью 43 руб.; 8 пудов сыра, каждый пуд по 2 руб. и 40 коп., общей стоимостью 19 руб. 20 коп.; вол и старая корова общей стоимостью 53 руб.; старый конь — за 22 рубля. В 1834 г. продано 8 пудов масла общей стоимостью 101 руб., 8 пудов сыра общей стоимостью 18 руб., молока на сумму 23 руб. 40 копеек, а также бык и неотелившаяся корова стоимостью 60 рублей [41, л. 5-7 об.].

Заметим, что статьи расходов отличались от расходов крестьян. В крестьянском хозяйстве достаток и даже избыток рабочих рук сочетался с нехваткой земли. Данная ситуация требовала поиска дополнительных источников заработка. В монастыре земельных угодий было достаточно. Однако небольшое количество монахов не могли эффективно и своевременно выполнять все необходимые хозяйственные работы. Получаемые денежные доходы от продажи скота, масла, сыра и молока шли на оплату привлекаемой рабочей силы. Сложившаяся ситуация приводила к установлению тесных связей между крестьянами прилегающих населенных пунктов и монастырем.

Еще одной статьей дохода и важным подспорьем в монастырском хозяйстве был имеющийся лес. Строевого леса монастырь не имел. Как указывалось выше, имелось 15 десятин и 92 сажени дровяного леса. Согласно императорскому указу, монастырю разрешалось рубить дрова и заготавливать строевой лес на территории, где находилась обитель. При этом объемы заготавливаемого леса не ограничивались [36, л. 56].

Глава 4

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧОНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Выдающийся представитель русского монашества XIX в. московский митрополит Филарет (В.М. Дроздов) писал, что «сыну обители... деянием должно обрести в видение восход, т.е. трудолюбным и неослабным исполнением заповедей Божиих и правил отеческих должно открывать путь к высшей жизни духовной и созерцательной, которая есть на земли предначинание жизни небесной». Это было напоминание о той главной цели, ради которой были созданы христианские монастыри, в том числе и русские православные, ко времени Филарета существовавшие уже много веков.

За эти столетия коренным образом изменились внешние условия монашеской жизни. Крупные и мелкие монастыри Российской империи, куда стекались тысячи богомольцев, мало напоминали уединенные обители первых веков христианства. Монахов же, находившихся в гуще верующих, трудно было назвать отшельниками. В меняющемся мире с неизбежностью должны были измениться и монастыри. Вернее, должны были измениться пути к достижению той цели, о которой напоминал Филарет.

Юридическое положение православных монастырей и монашествующих определялось «Сводом законов Российской империи». Монастыри имели право на обладание отводимыми им от казны земельными наделами, могли отдавать их в аренду, но не могли продавать. Монастырям запрещалось владеть населенными имениями. До 1861 г. государство возмещало штатным монастырям отсутствие собственных крепостных. В каждый такой монастырь направлялась казенная прислуга, набранная из государственных крестьян и обязанная служить 25 лет. После крестьянской реформы 1861 г. эта своеобразная рекрутчина была отменена, но монастыри стали получать за это денежное вознаграждение.

Монастырям не возбранялось приобретать или получать в дар ненаселенные имения и другое недвижимое имущество. Правда, всякий раз на это требовалось высочайшее разрешение [25, с. 302-303].

Какими же финансовыми средствами владел Чонский монастырь? В разные периоды эти суммы менялись. Это зависело в первую очередь от объединительных процессов с Макарьевым единоверческим монастырем, в результате чего Чонский монастырь был за-

крыт (об этом пойдет речь ниже), и от количества братии в монастыре. Важным финансовым подспорьем для монастыря были добровольные пожертвования богатых прихожан.

Сведения, найденные нами в Национальном историческом архиве Республики Беларусь относительно финансовых сумм обители, относятся к периоду 1830-1917 гг. Данных о финансовых суммах, принадлежащих монастырю до 1830 г., не обнаружено.

Ежегодно в монастыре проживало до 10 монахов и несколько послушников. На декабрь месяц 1830 г. в кассе было 209 руб. 82 коп. экономических денег [41, л. 2]. В книге записи прихода и расхода денежных сумм приход экономических сумм в 1830 г. выглядел следующим образом:

Январь

1. Остаток от прошедшего 1829 г. — 32 руб. 87 коп.

Апрель

1. Получено за проданную пеньку (5 пудов 20 футов) — 31 руб. 90 коп.

Август

1. Внесено священником Стефаном Карножицким за продовольствие его монастырской пищей за два месяца — 19 руб.

Сентябрь

1. Продана малая корова — 20 руб.
2. Продано парного молока один горшок — 30 коп.

Октябрь

1. Продано две малые коровы — 40 руб.
2. Дано на монастырь купцом Василием Мельниковым — 20 руб.
3. Продано свеклы 10 четвериков — 2 руб. 50 коп.

Ноябрь

1. Продано 15 кур — 4 руб. 25 коп.
2. Доставлено игуменом Боголепом, собравшим по Белецкому уезду денег-38 руб. 20 коп.

Декабрь

1. Доставлено из д. Бобовичи игуменом Боголепом — 80 коп. [41, л. 1 об. — 2].

На декабрь 1832 г. в монастырской кассе было 2 185 руб. 27 коп. [41, л. 5].

Богатым в финансовом плане оказался для братии 1833 г. Приход экономических сумм в этом году выглядел так:

Январь

1. Осталось от прошедшего 1832 г. наличных экономических неокладных денег — 258 руб. 72 коп.

2. Осталось от прошлого года наличных церковных неокладных денег — 1 632 руб. 62 коп.

Февраль

1. Продан стог сена — 50 руб.

2. Продано два пуда масла — 24 руб.

3. Продано 8 пудов сыра, каждый пуд по 2 руб. 40 коп. — 19 руб. 20 коп.

4. Продано опилок — 5 руб.

Май

1. Пожертвовано от доброжелателей на монастырь — 117 руб. 51 коп.

2. Продано две четверти картофеля — 11 руб. 80 коп.

3. Продано телячьих кож на сумму — 3 руб. 80 коп.

4. Вынуто из приходского ящика денег, собираемых в течение шести месяцев, подаваемых на свечи и в кошелек, — 20 руб. 84 коп.

Октябрь

1. Вынуто из церковного ящика подаваемых на свечи и в кошелек — 45 руб. 79 коп.

2. Получено на ассигнации — 7 руб. 50 коп.

3. Проданы старая суконная ряса и суконный монастырский кафтан — 8 руб. 20 коп.

4. Пожертвовано в монастырь — 37 руб. 50 коп.

5. Продан вол за 33 руб. 75 коп. и старая корова за 20 руб. — 53 руб. 75 коп.

6. Продано полтора пуда масла — 19 руб.

7. Продан старый конь — 22 руб. 78 коп.

К концу 1833 г. в кассе монастыря было 2 345 руб. 78 коп. экономических и церковных неокладных денег [41, л. 5-6].

Монастырь в период 1829-1833 гг. вел торговлю с купцами близлежащих городов и крупных населенных пунктов. Например, экономические отношения были с гомельским купцом 3-й гильдии Иваном Степановичем Дубовиком, ветковским купцом Петром Машковым. Городничий г. Белицы Иван Иванович Пушлитер покупал у монастыря коровье масло [41, л. 7, 11,14].

В названной ранее монастырской книге прихода и расхода денежных сумм подробно зарегистрированы и расходы экономических денег. На 1830 г. они выглядели так:

Январь

1. Куплено у Якова Нестерова из д. Бобовичи яровой соломы для скота — 12 руб. 90 коп.

2. Куплено в той же деревне у крестьянина Сёмки Иванова 4 четверти и 6 четвериков овса для лошадей — 19 руб. 95 коп.

3. Куплено у крестьянина Ивана Васильева 8 возов яровой соломы — 5 руб. 20 коп.

4. Куплено два пуда и 20 фунтов свежей рыбы — 10 руб.

5. Куплено яровой соломы — 6 руб. 90 коп.

Февраль

1. Куплено для монастыря два ведра водки — 4 руб.

2. Куплено у бобовичских крестьян разновременной яровой соломы — 15 руб. 50 коп.

Март

1. Куплено для лошадей 4 четверти овса — 18 руб. 37 коп.

Апрель

1. Куплено говядины — 2 руб. 67 коп.

2. Куплено 1 ведро водки и 1 ведро пива — 4 руб.

3. Куплена лодка — 4 руб. 60 коп.

4. Куплено холста 30 аршин — 3 руб. 50 коп.

Май

1. Куплено икры — 4 руб.

2. Куплено для посева разных зерновых и семян овощей — 50 руб. 30 коп.

3. Куплено два пуда рыбы — 9 руб.

Июнь

1. Куплено 4 простые дверные петли — 1 руб. 10 коп.

Август

1. Куплено полтора ведра водки — 3 руб.

Октябрь

1. Куплено полтора ведра водки — 4 руб. 50 коп. За 1830 г. было израсходовано 179 руб. 49 коп. [41, л. 19-20]. За анализируемый нами период 1830-1836 гг. максимальное количество денег было потрачено в 1833 г. Самыми дорогостоящими были работы, связанные с устройством нового иконостаса, ремонтом церкви и написанием икон. В монастырской кассе остаток экономических и церковных неокладных наличных денег от 1832 г. составлял 1 801 руб. 34 коп. За 1833 г. от различного рода продаж было получено 454 руб. 39 коп. [41, л. 26 об.].

Январь

1. Куплено у Ивана Дубовика 5 фунтов воска — 5 руб.

2. Куплено у Ивана Дубовика 6 фунтов деревянного масла — 5 руб. 80 коп.

3. Куплено у Василия Виноградова 4 фунта ладана — 4 руб.

4. Куплена у Василия Виноградова белая бумага — 4 руб.

Май

1. Выдано Михаилу Смирнову, работавшему по контракту, за устройство нового иконостаса — 430 руб.

2. Уплачено плотнику Якову Офисанерову за обшивку тесом церкви и переделку на ней купола — 250 руб.

3. Выдано иконописцу Захарию Максимову, сыну Макареву, работавшему по контракту, за писание икон для иконостаса — 500 руб.

Июнь

1. Уплачено пильщику Кириллу Коновальченку за распиловку 220 шалёвок — 55 руб.

2. Куплена лошадь у Ильи Иванова Кондратовича — 50 руб.

3. Куплено в Климовском 4 ведра вина -12 руб.

Октябрь

1. Уплачено иконописцу Максиму Захарьеву, сыну Макарьевскому, после завершения всей работы по написанию икон — 750 руб.

2. Уплачено золотарю Михайлу Смирнову за окончание иконостаса — 100 руб.

3. Уплачено пильщику Сергею Маквичеву за распилку 140 досок — 56 руб.

Декабрь

1. Куплено белой бумаги — 80 коп.

2. Куплено для работников у Ивана Дубовика свиного сала один пуд и 15 фунтов — 10 руб. 25 коп.

3. Уплачено работнику Ивану Яковлеву за два месяца — 7 руб. 20 коп.

4. Отослано в духовную консисторию — 80 коп.

5. Уплачено за изготовление книги приходов и расходов — 80 коп.

Таким образом, монастырь на свои потребности в 1833 г. потратил 2 241 руб. 65 коп. [41, л. 24-26 об.]. За период 1830-1836 гг. это были самые большие финансовые расходы.

Чонский монастырь получал деньги из Белицкого уездного казначейства. Общая сумма денег расписывалась по расходным статьям. Например, во втором полугодии 1832 г. распределение ассигнованных денег по штату Чонскому Успенскому третьеклассному монастырю выглядело так:

1. Игумену с братией — 229 руб. 50 коп.

2. Подьячему — 23 руб. 94 коп.

3. На служение — 139 руб. 55 коп.

4. На церковные нужды и просфоры — 20 руб.

5. На починку церквей монастыря и на содержание ризницы — 200 руб.

6. На корм лошадям и металлические изделия — 40 руб.

7. На дрова — 44 руб. 50 коп.

8. На провизии — 95 руб.

9. За мельницу — 150 руб.

10. За рыбные ловли — 150 руб.

Итого за второе полугодие 1932 г. монастырь получил 1 029 руб. 49/4 коп. [42, л. 2 об. — 3].

С 1832 г. в ведомостях прихода и расхода денежных сумм монастыря появляется учет прихода и расхода денежных средств по двум полугодиям. В 1833 г. решение хозяйственных вопросов и закупка продовольствия для братии осуществлялись через жителей городов Гомель и Белицы.

Январь

1. Уплачено кузнецу г. Белицы мещанину Степану Васильеву за оковку шести лошадей, за изготовление двух новых и ремонт пяти старых топоров — 5 руб. 40 коп.

2. Куплено у крестьянина Якова Петрова помещика Фащи села Носовичи для монастырских лошадей 9,5 четверти овса, 1 четверть по 4 руб. 62 коп. — 43 руб. 89 коп.

Февраль

1. Уплачено коноводу Авкентию Евдокимову за пускание крови четырем лошадям и за составление лекарств — 2 руб. 60 коп.

Апрель

1. Уплачено мещанину г. Белицы, кузнецу Фоме Ковалеву, за перетяжку двух колес монастырского экипажа и за починку трех пар сменников и двух пар мостниц. За четыре пары завес и за изготовление ключа к монастырской бричке весом три фунта — 4 руб.

2. Уплачено мещанину г. Белицы, кузнецу Дмитрию Михайлову Мохову, за оковку новой монастырской повозки и за изготовление пары мостниц — 2 руб. 20 коп.

Июль

1. Куплено у жителя г. Гомеля, купца 3-й гильдии Михайлы Феоктистова, шесть кос, одна коса по 1 руб. 40 коп.

2. Уплачено мещанину г. Белицы Дмитрию Мохову за переделку трех пар сошников и двух наполков, за изготовление нового большого бурова для проверки колесных ступиц, за два вновь отремонтированных топора, два молотка, две бабки для клепания кос — 5 руб. 80 коп.

Сентябрь

1. Куплен для монастырских лошадей у жителя г. Гомеля, купца 3-й гильдии Михайлы Феоктистова, новый хомут со всем прибором: шлея, новые гужи, седелка, вожжи — 15 руб.

Декабрь

1. Куплен у жителя г. Гомеля, купца 3-й гильдии Михайлы Феоктистова, один пуд вяленой рыбы — 5 руб. 20 коп.

2. У него же: семь фунтов осетрины — 2 руб. 80 коп.

3. У него же: 2 фунта икры — 2 руб. 20 коп.

4. У него же: 10 селедок — 1 руб.

5. Куплено у крестьянина села Бухоловки Федора Купреева два пуда свежей рыбы — 10 руб.

6. Куплено у жителя г. Гомеля, купца 3-й гильдии Михайлы Феоктистова, два пуда с половиной осетрины (один пуд — 9 руб.) — 25 руб.

7. У него же: сахара 25 фунтов — 31 руб. 25 коп.

8. У него же: один фунт чая — 12 руб. [43, л. 22^4-2].

Как видно из этой ведомости, монастырь имел конный экипаж, была сделана новая повозка. Хозяйственные вопросы монастырь решал посредством финансовых сделок с купцами и кузнецами г. Гомеля и Белицы. Наибольшее количество разных товаров закупалось у жителя г. Гомеля купца 3-й гильдии Михайлы Феоктистова.

Часть денег монастырь тратил на оплату труда наемных работников. Например, в 1838 г. в апреле было выдано полугодовое жалование в сумме 10 руб. 80 коп. мещанке г. Белицы Агафии Захаровой за приготовление пищи для работников. В этом же месяце наемным работникам выплачено 10 руб. за полгода.

Имел монастырь и своего портного. Им был еврей г. Белицы Ицка Шлемов. В апреле, мае и ноябре ему за пошив двух армяков и ремонт одежды из церковной ризницы было уплачено 22 руб. 2 коп. На черном хозяйском дворе и в поле также трудились наемные работники. В мае за работы на черном хозяйском дворе было выдано 14 руб. 40 коп., в июле крестьянкам д. Бобовичи за прополку овощных гряд уплатили 4 руб. (за пять дней, по 20 коп. за день). В декабре рассчитывались с теми, кто выполнял работы в течение целого года. Так, за годовую службу сторожем и скотником однодворцу г. Белицы Степану Смирнову выплатили 40 руб.

Из ведомости прихода и расхода денег за 1838 г. видно, что экономические контакты монастырь имел и с жителями других губерний. В мае было выдано 8 руб. жителю Черниговской губернии Добрянского повета Порфирию Житилковому за берестяную кору для служителей. Если говорить о экономических контактах с купечеством, то

они были не меньшими, чем в предыдущие годы. Из ведомости видно, что в 1838 г. монастырю свой товар продавали: известные уже нам купцы Иван Дубовик и Михайло Феоктистов и не встречавшийся в ведомостях за предыдущие годы купец г. Гомеля Петр Панкратьев [44, л. 1 об. — 50].

О широте экономических связей, о статьях расхода денег свидетельствует ведомость прихода и расхода денежных средств за 1842 г. В 1842 г. в монастырскую кассу поступило 1 026 руб. 66% коп. серебром. Постатейный расход денежных средств выглядел так:

1. Выделено жалование настоятелю и братии — 346 руб. 17 коп.

2. На содержание братии — 49 руб. $40^{s}/s$ коп.

3. На церковные нужды — 13 руб. 23 коп.

4. На отопление, освящение и прислугу — 81 руб. 22 коп. Итого: 490 руб. $2^{5}/^{8}$ коп. [45, л. 2].

В 1842 г. географические границы по привлечению населения к выполнению различного рода работ расширяются. Расширяется и круг купечества, с которым Чонский монастырь совершает торговые операции. Мы покажем только расходы на закупку товаров и оплату услуг.

Июль

1. Выдано Григорию Михайлову Климовичу, из околицы Терешковичи, с двумя его товарищами за косьбу травы в течение двух дней — 94 коп.

2. Выдано солдатке Марине Титовой, проживающей в д. Горбатовка, за жниво жита в течение 5 дней — 75 коп.

Август

1. Выдано крестьянке Анне Дмитриевой Клычинковой, проживающей в м. Гомель, служившей в монастыре скотницей и поваром, за 7,5 месяца — 6 руб. 50 коп.

Сентябрь

1. Выдано мещанину Светской слободы Сурошинского уезда Черниговской губернии Ивану Лазареву Гавриленко за выделку кожи для служителей — 2 руб. 20 коп.

2. Ему же за 9 пар подошв — 1 руб. 95 коп.

3. Ему же за 5 пар рукавиц — 1 руб. 25 коп.

4. Ему же за 7 пар варок — 90 коп.

5. Ему же за 3 картуза — 70 коп.

6. Ему же за сапоги для служителей — 75 коп.

7. Выдано солдатке Гликерии Федоровой, проживающей в сельце Бухоловке, служившей поваром, за 8,5 месяца — 6 руб. 25 коп.

Октябрь

1. Выдано дворянке Дарии Константиновой Львовской за 15 пудов и 36 фунтов жита — 8 руб. 42 коп.

2. Выдано сыну купца г. Белицы, еврею Гиршипу Беркову Фегинбергу, за 13 пудов ржаной муки — 7 руб.

3. Ему же за голову сахара — 5 руб. 58 коп.

4. Ему же за четверть фунта чая — 80 коп.

5. Ему же за 1 фунт риору, 1 фунт перловых круп, 1 фунт английского перца — 60 коп.

6. Белицкому купцу, еврею, жителю местечка Гомеля Мовшу Шаеву Цербину, за 1 бутылку шампанского — 3 руб.

7. Ему же за 1 бутылку рейтвейна - 1 руб. 25 коп.

8. Ему же за 1 бутылку портвейна — 1 руб.

9. Ему же за 1 бутылку дреймадеры — 75 коп.

10. Ему же за 1 бутылку мадеры — 63% коп.

11. Ему же за 3 бутылки столового вина — 1 руб. 20 коп.

12. Выдано сыну купца г. Белицы, еврею Гиршипу Беркову Фегинбергу, за 1,5 фунта восковых свеч — 79 коп.

13. Выдано купцу г. Новозыбкова Черниговской губернии Кириллу Филиппову за 20 фунтов деревянного масла — 3 руб.

14. Ему же за штоф церковного вина — 60 коп.

Декабрь

1. Выдано купцу Климовичской слободы Черниговской губернии Василию Игнейкову Кропивину за 9 кварт церковного вина — 4 руб. 50 коп.

2. Ему же за 12 фунтов деревянного масла — 2 руб. 64 коп.

3. Выдано солдатке Гликерии Федоровой за служение поваром в течение трех месяцев — 2 руб. 75 коп.

4. Выдано мещанке г. Белицы Агеирии Захаровой Иваницкой, работавшей с 20 августа по н. в. поваром и скотницей, — 4 руб. 30 коп.

5. Выдано однодворцу местечка Антоновка Белицкого уезда Степану Смирнову за выполнение в течение года обязанностей сторожа и скотника, с учетом того, что он использовал монастырскую одежду, — 9 руб. 50 коп.

6. Выдано мещанину г. Белицы Григорию Мохову за перековку подковами четырех лошадей — 60 коп.

7. Выдано купцу Василию Зарубину за один тулуп — 2 руб. 75 коп.

8. Ему же за сапоги — 1 руб. 40 коп.

9. Ему же за 15 аршин простого сукна — 1 руб. 50 коп.

10. Ему же за 2 пуда сальных свечей — 7 руб. 60 коп.

11. Выдано сыну купца Александру Васильеву Товарковскому за товар для починки повозки — 3 руб.

12. Ему же за одну пару дверных ручек — 65 коп.

13. Ему же за 24 аршина бронзы по 12 коп. — 2 руб. 88 коп.

14. Ему же за 1 фунт мелкого гвоздя для обивки сукна и блесток — 65 коп.

15. Ему же за 3 сковороды для кухни — 85 коп.

16. Ему же за инструмент для хозяйственных работ — 1 руб.

17. Ему же за 1 железный четверик — 85 коп. [46, л. 5-13].

Как отмечалось выше, 4 августа 1845 г. Чонский монастырь был закрыт. Все его имущество, строения, земля, лес передавались Макарьеву единоверческому монастырю.

Общая сумма денег в объединенном монастыре в 1845 г. составляла 2 283 руб. 68!Л коп. Предусматривались следующие статьи расходов:

1. Жалования настоятелю и братии — 280 руб.

2. Питание братии — 200 руб.

3. Церковные потребности и ремонт монастыря — 100 руб.

4. Отопление, прислуга, экипаж и рабочие — 160 руб.

5. Посевная и проч. — 30 руб. [47, л. 1 об.].

Что касается купцов, которые продавали монастырю свой товар, и крестьян, выполнявших необходимые хозяйственные работы, то их состав меняется. Это видно из приходно-расходных ведомостей. Среди купечества появляется больше евреев.

Январь

1. Выдано крестьянину, помещика Солтана из д. Прокоповка Ефрему Игнатову Медведеву за купленную у него ржаную муку весом 25 пудов (пуд по 25½ коп) — 6 руб. 37½ коп.

2. Куплено у гомельского купца 3-й гильдии еврея Мовши Цубина сахару 20,4 фунта за 5 руб. 50 коп.; чая два фунта за 5 руб. 50 коп.

3. Выдано жителю Гомеля еврею Янколю Бабушкину за 1 пуд лука — 47½ коп.

4. Выдано Белицкому мещанину, еврею Калмену Мордухову Арапову, за купленную у него ржаную муку весом 100 пудов (один пуд по 25 коп.) — 25 руб.

Март

1. Выдано Гомельскому купцу 3-й гильдии Михаилу Блинникову за 27 фунтов свежепосоленной осетрины (один фунт по 10¾ коп.); за 60 фунтов свежепосоленной крымской сельди (один фунт по 4½ коп.); за 3 фунта лососевой икры (один фунт по 32½ коп.) [47, л. 10-12].

Для поддержания монастырей государство выделило им суммы денег, которые хранились в банковских непрерывно-доходных билетах. В зависимости от суммы монастырь к концу года получал проценты. Эти деньги использовались на хозяйственные нужды. В 1850 г. Чонско-Макариев монастырь имел билет государственного земельного банка на сумму 2 265 руб. [48, с. 1]. На 1 января 1852 г. наличных денег в кассе монастыря было 40 руб. 72% коп., банковский билет на сумму 2 265 руб., а также 770 руб. — проценты от денежного вклада в банке [49, л. 22]. К 1856 г. монастырь имел два непрерывно-доходных билета государственного банка на сумму 7 857 руб. 15 коп. [50, л. 9 об.].

Не растраченные монастырем деньги переходили на следующий год и пускались в оборот по статьям, которые предписывались государственным банком и епархией. На 1 января 1860 г. монастырь имел 2 268 руб. МУг коп. От Могилевской духовной консистории согласно указу № 7666 от 12 июля было получено 1 540 руб. Общая сумма денег составляла 3 808 руб. МУг коп.

Самыми большими внутренними расходами были: ремонт монастыря — 200 руб.; содержание настоятеля и братии — 1 340 руб. Что касается расходов на закупку продовольствия и других товаров, то наибольшее их количество было закуплено в июле и августе.

Июль

1. Выдано новозыбковскому купцу Ивану Прискину за купленное у него:

а)1½ пуда деревянного масла по 9 руб. 50 коп., всего 14 руб. 25 коп.;

б)за куль 1-го сорта муки для просфор весом 5 пудов — 8 руб. 50 коп.;

в) пуд воска для свечей — 20 руб.;

г) ведро красного церковного вина для богослужения — 8 руб.

2. Выдано мещанке посада Злынка Евдокии Новиковой за изготовление из одного пуда воска церковных свечей по 3 коп. за фунт, всего 1 руб. 20 коп.

3. Уплачено черниговскому купцу Григорию Ишкову за купленное у него:

а) 20 фунтов меда по 30 коп. за фунт, всего 6 руб.;

б)10½ фунта проволоки — 2 руб. 14 коп.;

в) 2 десятка спичек для церкви — Vi коп.

4. Выдано гомельскому еврею Мовше Израелеву за 20 пудов извести по 15 коп. — 3 руб.

5. Выдано печнику из слободы Злынка Нефеду Варфоломееву за ремонт церковной печи — 10 руб.

6. Выдано печнику из слободы Клинцы Павлу Астафьеву за переделку четырех монастырских печей и частичную штукатурку — 28 руб.

7. Уплачено еврею Ицке Израилеву за 20 фунтов тонких веревок к колоколам — 50 руб.

Август

1. Уплачено купцу посада Чуровичи Феофилакту Понкратьеву за следующие товары:

а)пуд лампадного масла — 9 руб.;

б)20 фунтов воска по 50 коп. за фунт — 20 руб.;

в) ведро красного церковного вина для богослужения — 8 руб. [51, л. 1-11].

Как видим, монастырь сотрудничал не только с купцами близлежащих городов, например Гомеля и Ветки, но и с купцами городов, которые находились дальше. Это, в частности, города Новозыбков и Чернигов. Что касается использования наемного труда жителей близ лежащих посадов, слобод и деревень, то их география меняется. К 1860 году в ведомостях приходов и расходов денежных сумм указываются жители слобод Злынка, Клинцы, деревни Прокоповка. В ведомостях почти не встречается деревня Бобовичи, жители которой в 1830-е годы активно сотрудничали с монастырем.

В чем тут причина смены географических ориентиров? Как указывалось выше, в 1845 г. произошло объединение Чонского и Макариева монастырей. Данное объединение, а затем и переезды с места на место отрицательно сказывались на внутреннем состоянии братии. А если учесть, что Макарьев монастырь был единоверческим, где традиции старообрядчества чтили еще высоко, то после объединения с Чонским монастырем, который также еще не забыл старообрядческих традиций, внутренняя сила тяготения к прошлому усилилась. Дело в том, что большинство населения слобод Злынка, Клинцы, г. Новозыбкова были старообрядцами или им сочувствующими. А если еще учесть и то, что после так называемых ветковских выгонок во второй половине XVIII в. часть старообрядцев осела именно в Новозыбкове, Клинцах, Злынке и других местах, то можно понять, откуда это тяготение к прошлому. К этому времени еще сохранялись духовные, экономические и родственные связи Ветки и ветковских слобод с Новозыбковом, Клинцами, Злынкой и Черниговом.

К 1878 г. меняется форма экономических отношений между монастырем и купцами. В расходных книгах монастыря указывается,

что товар закуплен не у какого-то купца, а в его лавке. Так, в 1878 г. товар приобретался в торговых лавках купцов: гомельского купца Утевского (все для строительства и ремонта, хозяйственные товары); гомельской мещанки Ханки Сиротиной (продукты питания); гомельского мещанина Ливиолы Башина (продукты питания); гомельского купца Цейтлина (стекло); гомельского мещанина Минухина (хозяйственные товары); гомельского купца Никешина (продовольственные товары); гомельского мещанина Кирилла Шустова (хозяйственные товары). Среди мастеров, обслуживающих монастырь, были плотники из д. Бобовичи Николай Павлов и Алексей Борсук, плотник из посада Злынка Черниговской губернии Ефим Осипов, каменщик и кирпичный мастер ветковский мещанин Семен Шкляров.

К 1878 г. увеличиваются монастырские расходы. В 1877 г. было потрачено 3 407 руб. 55 коп., в 1879 г. — 2 539 руб. 96 коп., в 1880 г. — 5 180 руб. 40 коп. К этому времени возросли и доходы монастыря. Так, на март 1878 г. было денег 8 094 руб. 48 коп., на январь 1880 г. — 8 099 руб. 35 коп., на январь 1881 г. — 10 252 руб. 3 коп. [52, л. 2-79]. Стабильность монастырских доходов была связана с тем, что монастырь с 1859 г. владел двумя государственными 4%-ными непрерывно-доходными билетами на сумму 7 992 руб.: первый под № 5142 и второй — с № 8140. С 1881 г. обитель получает еще один 5%-ный государственный банковский билет под № 71217 на сумму 100 руб. Это билет хранился вместе с монастырскими деньгами [53, л. 27 об.].

К 1884 г. появляется новая форма экономических отношений монастыря и жителей близ лежащих городов и деревень — аренда. В аренду монастырь сдавал в основном землю. Приход денег в 1884 г. выглядел так: в непрерывно-доходных билетах на январь месяц было 8 092 руб. От аренды и продаж зафиксированы следующие доходы:

Январь

1. Получено от ветковского арендатора Алексея Коскина за аренду им земли бывшего Макарьева монастыря — 100 руб.

Февраль

1. Получено от гомельского мещанина Егора Иванова за продажу ему дров — 100 руб.

Март

1. Получено от гомельского купца Мовши Шандаровича за продажу ему дубов — 250 руб.
2. Получено от гомельского купца Мовши Шандаровича за продажу ему дров — 50 руб.
3. Получено за продажу восковых свеч — 9 руб. 62 коп.

4. Получено за продажу оставшегося строительного материала после завершения строительства 16 руб.

5. Продано мещанину Ивану Севрюковскому дров на сумму 42 руб. 75 коп.

Апрель

1. Получено от ветковского арендатора Алексея Коскина за аренду им земли — 100 руб.

2. Получено за продажу свеч — 9 руб. 10 коп.

3. Пожертвовано монастырю (вынуто из часовенной кружки) — 4 руб. 90 коп.

4. Продано прошлогоднего сена на сумму 96 руб.

5. Продано кирпича 600 шт. — 6 руб. 40 коп.

6. Продана монастырская корова — 40 руб.

7. Получено почтовым переводом из г. Киева от Варвары Дегтеревой за поминовение родителей — 10 руб.

Май

1. Получено от Гомельского уездного казначейства 167 руб. 4 коп. в виде процентов за банковские билеты.

2. Получено от ветковского мещанина Семена Степанова за аренду им пахотной земли — 5 руб.

3. Продано вощины на 9 руб.

4. Получено от крестьянина села Бобовичи Терентия Борецка за отданную ему в аренду на лето часть лугов — 5 руб.

Ноябрь

1. Получено от Гомельского уездного казначейства 159 руб. 84 коп. в виде процентов за банковские билеты.

2. Продано свечей на сумму 10 руб. 40 коп.

3. Пожертвовано — 1 руб. 15 коп.

В 1884 г. получено от подаяний, благотворительных приношений, продажи свечей, аренды, продажи хозяйственной продукции, а также процентов за банковские билеты — 1 334 руб. 90 коп. [54, л. 3-11].

В 1899 г. по указу Священного Синода преосвященным Мисаилом монастырь из мужского единоверческого был обращен в православный женский второго класса. Монастырь стал называться Чонско-Макариевым Успенским девичьим [10, с. 64].

В 1890-е годы в книгу прихода и расхода денег вводятся новые правила ее ведения. Например, в книге прихода и расхода денег за 1890 г. имеется две ее графы: «приход» и «расход». Приход и расход денежных сумм указывался по месяцам. За каждый месяц в соответствующей графе указывалась общая сумма. В 1890 г. приход и

расход денежных сумм выглядел следующим образом: приход — осталось от 1889 г. 24 руб. 74 коп., банковскими билетами — 9 592 руб. В силу того что монастырь стал женским, различного рода земельные угодия стали сдаваться в аренду. В 1890 г. в аренду сдается много сенокосов, лугов для выпаса скота, земли под огороды.

В приведенных ниже помесячных поступлениях всех пунктов доходов мы не указываем. Обращаем внимание на те, которые подчеркивают новые формы экономических отношений. В конце каждого месяца указывается общая сумма дохода.

Январь

1. Получено за 1889 г. дополнительной платы за сенокос от Степана Рудемова из д. Бобовичи — 18 руб. 5 коп.; от Андрея Попова — 5 руб.; от Андрея Терентьева — 26 руб.

2. Получено за 1890 г. за аренду земли от Фении Аверьяновой — 55 руб.

3. Получено за 1890 г. за сенокос от Леона Яковлева -10 руб.

4. Получено за 1889 г. дополнительной платы за сенокос от Максима Абрамова Минтчанского — 9 руб.

5. Получено за 1889 г. дополнительной платы за луга от жителя д. Бобовичи Осипа Федорова — 8 руб.

За январь 1890 г. поступило 131 руб. 5 коп., за февраль —201 руб. 39 коп.

Март

1. Получено за 1889 г. дополнительной платы за луга от крестьян д. Миньчи — 11 руб.

2. Получено за 1890 г. дополнительной платы за луга от жителя д. Бобовичи Андрея Попова — 3 руб.

3. Получен задаток на 1890 г. от мещанина слободы Огородня Григория Кушнерева за аренду огорода — 10 руб.

4. Получено дополнительной платы от жителя д. Бобовичи Андрея Терентьева — 7 руб.

5. Получено за смоляные коренья от Гавриила Абрамова — 12 руб.

За март 1890 г. поступило 78 руб., за апрель от продаж — 106 руб. 89 коп. Всего на апрель с учетом банковских билетов было 10 821 руб. 97 коп.

Июнь

1. Получено за продажу двух монастырских быков — 74 руб.

2. Получено в дар от князя Паскевича — 50 руб.

3. Получено процентов по банковскому билету — 15 руб.

4. Получено в дар от Полтовши Чермаг — 50 руб.

Итого: получено за июнь 189 руб.

Август

1. Получено за 1890 г. арендной платы от Фении Коспиной — 40 руб.

Сентябрь

1. Получено арендной платы от Фении Коспиной — 180 руб.
2. Проданы гомельскому еврею два быка и одна корова за 105 руб.

Октябрь

1. Получено за 1890 г. за аренду огорода от Григория Иванова — 50 руб.
2. Получено за 1890 г. за аренду огорода от Григория Иванова — 20 руб.

Итого: получено за октябрь 95 руб.

Ноябрь

1. Получено за продажу пяти монастырских быков — 125 руб.

Декабрь

1. Получено за 1890 г. дополнительной платы за луга от Леона Яковлева Ерпярского — 15 руб.
2. Получено за второе полугодие процентов по банковскому билету № 725401 -25 руб.
3. Получено за продажу вощины — 15 руб.
4. Получено за 1890 г., за аренду луга, от Никиты Солодухи — 7 руб.
5. Получено арендной платы за сенокос от жителя д. Бобовичи Степана Руденкова — 27 руб.

За декабрь получено 89 руб. [55, л. 1 об. — 5].

Из расходной монастырской ведомости за 1890 г. видно, что женский монастырь стал больше закупать разных сортов муки и ржи. Это говорило о том, что своих зерновых монастырь стал высевать меньше, упор делался на разведение мелкого и крупного скота. Это подтверждает расходная ведомость, в которой встречаем расчеты с пастухами. По-прежнему закупалась рыба, разные приправы, а также инвентарь. В 1890 г. в монастыре появляется свой писарь, им был Егор Рубанов. Приведем краткий перечень монастырских расходов за 1890 г.

Январь

1. Уплачено Леону Яковлеву за 501 пуд 102 фунта ржи — 330 руб. 82 коп.
2. Уплачено пастуху Евмену Андрееву — 20 руб. 48 коп.
3. Уплачено Леону Павлову за рубку дров — 3 руб.

4. Уплачено работнику Тимофею Григорьеву — 3 руб. 50 коп.

5. Уплачено писарю Егору Рубанову — 1 руб.

6. Уплачено черниговскому мещанину Ивану Широкову за 6 пудов 5 фунтов осетрины (по 5 руб. 25 коп. за пуд) — 32 руб. 13 коп.

По всем расходным показателям (в данном примере расход показан выборочно) за январь расход составил 531 руб. 67 коп.

Февраль

1. Уплачено Леону Яковлеву за 66 пудов ржаной муки — 50 руб.

2. Уплачено Леону Павлову за рубку дров — 4 руб. 13 коп.

3. Уплачено пастуху Евмену Андрееву — 5 руб.

4. Уплачено работнику Якову Титову — 4 руб. 15 коп.

Всего за январь израсходовано — 99 руб. 67 коп.

Март

1. Уплачено в лавку (магазин. — А.А.) Островского 4 руб. 86 коп.

2. Уплачено за муку и соль в лавку Замоховской — 11 руб. 50 коп.

3. Уплачено работнику Домину Андрееву — 8 руб.

4. Уплачено повару Терентию Лукьянову — 5 руб.

5. Уплачено за церковное вино, сыр, сельдь — 9 руб. 20 коп.

6. Уплачено плотнику Егору Семенову — 5 руб. 60 коп.

7. Уплачено пастуху Евмену Андрееву — 4 руб.

8. Уплачено в лавку купца Островского — 9 руб. 30 коп.

9. Уплачено за одну пару завес, крючки, одну пару подосох — 2 руб. 45 коп.

10. Уплачено в Лавыянов подвал за Vi ведра водки для рабочих (имеется в виду водочный магазин. — А.А.) — 2 руб. 50 коп.

11. Уплачено работнику Петру Старовойтову — 5 руб.

Всего за март затраты составили 84 руб. 61 коп.

Для сравнения покажем расходы по другим месяцам. Так, в апреле израсходовано 232 руб. 41 коп., в мае — 43 руб. 22 коп., в июне — 14 руб. 13 коп., в июле — 641 руб. 16 коп., в августе — 194 руб. 81 коп., в сентябре — 10 руб. 75 коп., в октябре — 9 руб. 66 коп.

Хотелось бы обратить внимание на один пункт затрат в июле. Если в январе писарю Егору Рубано был выплачен 1 руб., то в июле — 33 руб. 30 коп. [55, л. 1-8].

В 1890 г. постатейный расход монастырских денежных сумм, отпущенных на содержание монастыря, выглядел так: на жалование настоятелю и братии — 560 руб.; на закупку продовольствия для братии — 400 руб.; на церковные потребности, а также на ремонт монастыря и ризницы — 200 руб.; на отопление, освещение, прислугу и рабочих — 320 руб.; письмоводство (на канцелярские расходы. —

А.А.) — 60 руб.; на рыбную ловлю и мельницу — 171 руб. 42 коп.; для вознаграждения заштатных служителей — 300 руб. [56, л. 4]. Особенностью данного постатейного расхода было то, что предусматривались канцелярские расходы.

Развитие капиталистических отношений в Российской империи не обошло стороной и монастырь. Расширялась аренда. Монастырь в 1895 году имел свой кирпичный завод, который также сдавался в аренду. Экономические связи к концу XIX в. были налажены с заводами в городах Киеве и Санкт-Петербурге. Монастырь принимает участие в проведении торгов, для чего изготавливается рекламная продукция. Сдается во временное пользование свободное жилье. Все это подтверждается анализом книг прихода и расхода неокладных сумм за 1895 г. С 1895 г. меняется и форма ведения финансовой отчетности. Если в 1890 г. в общей ведомости выделялись графы прихода и расхода денежных сумм, то в 1895 г. вводятся отдельные книги по приходам и расходам этих сумм.

Приход неокладных сумм за 1895 г. выглядел так:

1. Осталось наличных денег на 1 января 1895 г. 1 912 руб. 54Vi коп.

2. В банковских билетах:

а) непрерывно действующих с 1859 г., принадлежавших бывшему Макарьеву единоверческому монастырю, под № 5142 и № 8140 — на сумму 5 060 руб. и 2 932 руб.;

б) государственная 4%-ная рента, действующая с 1894 г., под № 5773 — на сумму 100 руб.;

в) 4%-ные билеты государственной комиссии погашения долгов № 69757 и № 93960, действующие с 1887 г., — на сумму 500 руб.;

г) 5%-ные билеты государственной комиссии погашения долгов № 723983/96973 и № 725401/97187, действующие с 1898-1890 гг., — 2 000 руб. Всего денег в банковских билетах 10 592 руб.

Приход денежных сумм в 1895 г. выглядел следующим образом:

Январь

1. Получено от гомельского еврея Мовши Мостового за одну старую корову и одного быка — 60 руб.

2. Получено арендной платы за луга от бобовичских крестьян Степана Руденкова и Степана Дубинина за 1894 г. — 29 руб. 50 коп.

3. Получено от священника Андрея Трусевича за 10 штук сосновых досок — 5 руб.

4. Получено от гомельского уездного казначейства процентов по банковским билетам — 15 руб.

Февраль

1. Получено арендной платы за луг от бобовичского крестьянина Степана Руденкова за 1894 г. — 10 руб.

2. Получено арендной платы за луг от бобовичского крестьянина Андрея Терентьева за 1894 г. — 18 руб.

3. Получено арендной платы за луг от хуторского Леона Попкова за 1894 г.-40 руб.

4. Получено арендной платы за луг от бобовичского крестьянина Степана Руденкова за 1894 г. — 30 руб.

Март

1. Получено арендной платы за луг от бобовичского крестьянина Степана Руденкова за 1894 г. — 21 руб. 50 коп.

2. Получено за аренду кирпичного завода от крестьянина д. Дигунской Буды Осипа Москина за 1894 г. — 25 руб.

Апрель

1. Получено за аренду огорода, а также за пользование дойными коровами от мещанина Кирилла Усенова за 1895 г. — 150 руб.

2. Получено от гомельского уездного казначейства процентных денег по двухтысячному казначейскому билету — 50 руб.

Май

1. Получено за 70 штук пчелиных лубок (по 75 коп. за штуку) от крестьянина слободы Огородня Егора Кушнерова — 52 руб. 50 коп.

2. Получено от гомельского уездного казначейства процентов по банковским билетам — 159 руб. 84 коп.

Июнь

1. Получено за временное проживание на летней даче от доктора Яцевича — 50 руб.

2. Получено от еврейки Ханы Боровской за аренду сада — 30 руб.

Июль

1. Получено за аренду огорода, а также за пользование дойными коровами от Кирьяна Чеснова за 1895 г. — 40 руб.

2. Получено от гомельского уездного казначейства процентов по банковскому билету — 15 руб.

3. Извлечено из свечного ящика — 32 руб. 18 коп.

4. Извлечено из часовенного ящика — 6 руб. 50 коп.

Август

1. Получено за аренду огорода, а также за пользование дойными коровами от Кирьяна Чеснова за 1895 г. — 110 руб.

2. Получено за временное проживание на летней даче от гомельского доктора Павла Имкова — 50 руб.

3. Получено за временное проживание на летней даче от смотрителя гомельского духовного училища Т. Терловского — 25 руб.

4. Получено от арендатора Ивана Коспина за 1895 г. — 100 руб.

5. Получено за аренду кирпичного завода — 25 руб.

Сентябрь

1. Получено за аренду сада от еврея Сусия Боровского — 10 руб.

2. Получено от арендатора Ивана Коспина за аренду макаровской земли за 1895 г. — 102 руб.

Октябрь

1. Поступило от гомельского губернского казначейства процентов по банковским билетам — 50 руб.

Ноябрь

1. Получено за аренду огорода, а также за пользование дойными коровами от Кирьяна Чеснова за 1895 г. — 89 руб.

2. Получено от гомельского уездного казначейства процентов по банковским билетам 159 руб. 84 коп.

Декабрь

1. Получено за аренду сенокоса от бобовичского Егора Рубанова за 1894 г. — 3 руб., за 1895 г. — 5 руб.

2. Получено за аренду огорода, а также плата за пользование дойными коровами от Кирьяна Чеснова за 1895 г. — 30 руб. [57, л. 1 об.—5].

Формы экономических отношений монастыря, существовавшие в 1895 г., хорошо прослеживаются не только по приходной, но и по расходной монастырской книге.

Май

1. Дано работнику Леонору Захарову — 3 руб.

2. Уплачено за один гарнец церковного вина в лавку Чемкова — 2 руб.

3. Дано работнику Гавриилу Антонову — 15 руб.

4. Уплачено за оковку телят и подковку лошадей белицкому кузнецу Лейбе Липкину — 4 руб. 34 коп.

5. Дано печнику Леону Дубинину — 9 руб.

6. Уплачено Антону Самуйлову за 8 мер картофеля — 2 руб.

7. Дано работнику Даниилу Андрееву — 5 руб. 85 коп.

8. Отослано в Могилевское губернское правление за печатание объявлений для участия в торгах — 1 руб. 88 коп.

9. Уплачено за три пуда перловых круп Нохману Темкину — 7 руб. 30 коп.

10. Уплачено за 5 пудов пшена Якову Кондратьеву — 5 руб. 50 коп.

11. Уплачено за 2 пуда судака еврею Якерю Лебедеву — 7 руб. 30 коп.

12. Заплачено за ремонт печи и грубы белицкому печнику Осипу Саморину — 8 руб.

13. Дано писарю Егору Рубанову — 3 руб.

14. Уплачено за оправу 24 оконных рам белицкому столяру Иосипу Игуткину — 16 руб. 20 коп.

15. Уплачено за 4 пуда гвоздей и один молоток в лавку Цытлина — 12 руб. 50 коп.

16. Уплачено за 158 штук гонта (по 32 коп. за пару) гомельскому еврею Иосалю Качану — 49 руб. 60 коп.

17. Уплачено за ремонт печи печнику Осипу Саморину — 7 руб.

18. Уплачено за 8 пудов пшена и 2 пуда конопляного масла еврею Кайману Шерстинскому — 17 руб. 20 коп.

19. Уплачено за краску Хаиму Левитасу — 6 руб. 90 коп.

20. Уплачено за покраску двух домов и ремонт двух каменных столбов в монастырской ограде белицкому кровельщику Берку Подгорному — 22 руб.

Сентябрь

1. Уплачено за 8 подков кузнецу Лейбе Липкину — 1 руб. 55 коп.

2. Уплачено за ремонт бани белицкому кровельщику Берку Подгорному — 4 руб. 25 коп.

3. Уплачено за подковку лошадей бобовичскому кузнецу Андрею Ситкову — 3 руб. 64 коп.

4. Уплачено за 17 пудов и 27 фунтов овса гомельскому торговцу Михаилу Моосаткину — 6 руб. 90 коп.

5. Уплачено Киевскому свечному заводу за 1 пуд и 2 фунта свечей — 30 руб. 32 коп.

6. Отослано помощнику казенного лесничего Александру Сонни за составление плана территории монастыря — 40 руб. 27 коп. [58, л. 1-8].

Проанализировав основные черты финансово-хозяйственной деятельность монастыря на разных этапах его существования, посмотрим, какие средства шли на личные нужды монахов и послушников. Первые такие сведения, которые мы имеем, относятся к 1842 г. Как указано в ведомости, в этом году жалование настоятелю и братии было выдано серебром.

1. Настоятелю архимандриту Никодиму (с 1 мая по 29 октября) — 110 руб. 64 коп.

2. Архимандриту Геннадию (с 29 октября по 1 января 1843 г.) — 39 руб. 36 коп.

3. Казначею иеромонаху Алексию за майскую и сентябрьскую треть — 20 руб.

4. Прибавочных казначею — 13 руб. 34 коп.

5. Иеромонаху Иннокентию — 20 руб.

6. Священнику Василию Бордовскому, которому с 9 октября запрещено священнодействие, — 20 руб.

7. Священнику Григорию Шимковичу, которому с 9 октября запрещено священнодействие, — 20 руб.

8. Священнику Иосипу Петрешенко за шесть месяцев и 18 дней — 16 руб. 44 коп.

9. Священнику Иакову Зимницкому за один месяц и пять дней — 2 руб. 92 коп.

10. Иеродиакону Иларию за две трети — 16 руб. 67 коп.

11. Диакону Иосипу за майскую и сентябрьскую треть — 16 руб. 67 коп.

12. Запрещенному священнику Сильвестру Костко, состоящему на послушнической вакансии, — 13 руб. 34 коп.

13. Послушнику Григорию Мижурскому — 13 руб. 34 коп.

14. Послушнику Афанасию Колмыку — 13 руб. 34 коп.

15. Послушнику Михайлу Сивенкову, находящемуся в монастыре с июня, — 95 коп.

16. Послушнику Симиону Питевичу за 5,5 месяца — 9 руб. 16 коп. [46, л. 2-3].

За первую треть января 1860 г. было выдано жалования братии:

1. Иеромонаху Анатолию 10 руб., ему же за выполнение обязанностей казначея 6 руб. 66'Л коп.

2. Иеромонаху Владимиру — 10 руб.

3. Иеродиакону Петру — 8 руб. 33 коп.

4. Иноку Даниилу — 6 руб. 66½ коп.

5. Послушнику Илье Головину — 6 руб. 66½ коп.

6. Послушнику Федору Козину — 6 руб. 66½ коп.

7. Послушнику Ивану Толетипову — 6 руб. 66½ коп.

8. Послушнику Николаю Полганинову — 6 руб. 66½ коп.

9. Послушнику Трофиму Кулькову — 6 руб. 66½ коп.

10. Послушнику Прокофию Мацкевичу — 6 руб. 66½ коп. [51, л. 10-11.].

В соответствии с указом императора в феврале 1882 г. Св. Синод потребовал от всех духовных учреждений предоставить подробные сведения обо всех действующих лаврах и монастырях. Делалось это с целью изменения штатного расписания. Особое внимание обращалось на проверку законности постановлений о выдаче кредитов,

которые использовались на содержание лавр, а также мужских и женских монастырей. Для осуществления такой проверки и сбора сведений создавалась особая высшая комиссия. Она же должна была выработать рекомендации по уменьшению государственных расходов на содержание лавр и монастырей.

Все лавры и монастыри обязаны были подать следующие сведения:

1. О числе монашествующих и о числе вольнонаемных служителей.

2. Какие суммы тратятся лаврами и монастырями на содержание монашествующих и вольнонаемных служащих?

3. Какие существуют благотворительные и богоугодные учреждения и сколько лиц в них проживает?

4. Какой расход лавр и монастырей на содержание благотворительных и богоугодных учреждений и содержащихся в них лиц?

5. Какой доход лавр и монастырей от оброчных статей и какое конкретное содержание этих статей?

6. Как велики собственные экономические средства от различного рода церковных сборов и принадлежащих им капиталов? Из чего складываются собственные капиталы?

Настоятель Чонско-Макариева монастыря иеромонах Пафнутий написал подробный отчет:

1. Число монашествующих и вольнонаемных служителей:

а) настоятель — 1;
б) иеромонахов — 2;
в) иеродиакон — 1;
г) монахов — 1;
е) послушников — 1;
ж) вольнонаемных — 1;
з) писарь — 1;
и) служителей — 5.

Всего 13 человек.

2. Содержание монашества и вольнонаемных. Ежемесячное содержание одного монаха составляет 5 руб., а всего за год 845 руб. На одежду, обувь и прочее на монашествующих в год тратится 245 руб. На чай, сахар на одного монаха в месяц тратится 1 руб. 50 коп., всего за год на 7 человек — 126 руб. На вольнонаемного писаря в год тратится 120 руб. Содержание одного служителя в месяц обходится в 5 руб. в год на 5 человек тратится 300 руб. Жалование настоятелю с учетом поездок по служебным делам в год составляет 225 руб., дополнительно за особые труды — 20 руб. в год. Ризничий и эконом

получают в год по 15 руб. На ремонт церквей и ризницы тратится 200 руб. в год, на освещение, ремонт монастыря и экипажа — 225 руб.

3. Благотворительность. При монастыре имеется помещение для продолжительного проживания не штатных монашествующих, т.е. старообрядцев, перешедших в единоверие. Для временно проживающих: престарелых, бедных, приходящих и странствующих — имеется особая гостиница. Таких ежегодно проживает 10 и более человек.

4. Расход на содержание благотворительных учреждений. На продовольствие монастырь тратит не менее 4-х руб. в месяц. Остальное: одежда, обувь, отопление, освещение и проч. — отпускаются по усмотрению из монастырских остатков и обходятся на каждого человека в 3 руб. ежемесячно.

5. Доход монастыря. Монастырь получает по двум непрерывно-доходным и одному государственному банковскому 5%-ному билету на сумму 8 092 руб. ежегодно в виде процентов 324 руб. 68 коп., от реализации хлеба, овощей, фруктов, сена, различных видов древесины и проч. — 245 руб. Наибольшее количество получает от реализации хлеба — 75 руб.

6. Собственные экономические средства. Собственных сбережений в виде капитала нет. Монастырь также не имеет доходов от церковных сборов и пожертвований.

В примечании настоятель монастыря иеромонах Пафнутий написал: «Если будет отменено от казны содержание, то братия сего монастыря не только не сможет содержать благотворительные учреждения, но и себя прокормить не сможет на свои экономические средства» [79, л. 8-13].

После анализа финансового состояния лавр и монастырей особой высшей комиссией было принято решение об изменении штатного расписания. В первую очередь уменьшалось жалование монахам. С целью компенсации братии начинают выплачивать так называемые добавленные деньги. В ведомостях выдачи денег появляется графа о добавленных суммах. Например, в ведомости выдачи жалования монахам и послушникам за 1889 г. к положенной штатной сумме приплюсовываются так называемые добавленные деньги.

1. Настоятелю иеромонаху Палладию — 94 руб. 4½ коп. (штатных — 75 руб., добавленных — 19 руб. 4½ коп.).

2. Иеромонаху Анатолию — 25 руб. (штатных — 15 руб., добавленных — 10 руб.).

3. Иеромонаху Пафнутию — 20 руб. (штатных — 10 руб., добавленных — 10 руб.).

4. Казначею Ианову — 23 руб. 33½ коп. (штатных — 8 руб. 39½ коп., добавленных — 8 руб. 33½ коп., за должность казначея — 6 руб. 66½ коп.).

5. Протодиакону Ефросину — 16 руб. 67 коп. (штатных — 8 руб. 33½ коп., добавленных — 8 руб. 39½ коп.).

6. Иеродиакону Матвею — 16 руб. 67 коп. (штатных — 8 руб. 33½ коп., добавленных — 8 руб. 33½ коп.).

7. Монаху Тихону — 13 руб. 33 коп. (штатных 6 руб. 66½ коп., добавленных — 6 руб. 66½ коп.).

8. Послушнику Емельяну Яковлеву — штатных 13 руб. 33 коп.

9. Послушнику Ивану Константинову — штатных 10 руб.

10. Послушнику Василию Савельеву — штатных 12 руб.

11. Послушнику Ивану Миронову — штатных за да месяца 5 руб.

Примечание — Послушникам полагалось жалование 30 руб. в год, а за месяц — 2 руб. 50 коп. [59, л. 1-1 об.].

С каждым годом жалование настоятелю и братии уменьшалось. В декабре 1898 г., последнем году перед обращением монастыря в женский, оно составляло:

1. Настоятелю архимандриту Палладию — 37 руб. 50 коп.

2. Иеромонаху Николаю — 20 руб.

3. Временно проживающему в монастыре иеродиакону Маврикию — 16 руб. 67 коп.

4. Монаху Филарету — 13 руб. 33 коп.

5. Послушнику Макарию Захарову — 6 руб. 66½ коп.

6. Послушнику Ивану Самусенко — 13 руб. 33 коп.

7. Послушнику Петру Петрову — 13 руб. 33 коп.

8. Послушнику Степану Гончарову — 13 руб. 33 коп.

9. Послушнику Петру Хомякову — 12 руб. [60, л. 66 об. — 67].

В 1899 г. по указу Священного Синода преосвященным Мисаилом монастырь из мужского единоверческого был обращен в православный женский второго класса. Монастырь стал называться Чонско-Макариевым девичьим [10, с. 64]. Настоятельницей стала игуменья Валерия, а казначеем — монахиня Анатолия [60, л. 96 об.].

Несмотря на то, что монастырь был второго класса, жалованье монахинь было не намного больше, чем у монахов перед обращением монастыря в женский. По ведомости получения денег монахинями в декабре 1900 г. можно проследить суммы их жалованья:

1. Настоятельница игуменья Валерия — 100 руб.

2. Казначей монахиня Анатолия — 20 руб.

3. Монахиня Антония — 17 руб. 50 коп.

4. Монахиня Капитолина - 12 руб. 50 коп.

5. Монахиня Сергия — 12 руб. 50 коп.
6. Монахиня Маргарита — 12 руб. 50 коп.
7. Монахиня Арсения — 12 руб. 50 коп.
8. Монахиня Ангелина — 12 руб. 50 коп.
9. Рясофорная послушница Евсталия — 12 руб. 50 коп.
10. Рясофорная послушница Александра — 7 руб. 50 коп.
11. Рясофорная послушница Анемпадиста — 7 руб. 50 коп.
12. Рясофорная послушница Марфа — 7 руб. 50 коп.
13. Рясофорная послушница Александра — 7 руб. 50 коп.
14. Рясофорная послушница Домна — 7 руб. 50 коп.
15. Рясофорная послушница Анна — 7 руб. 50 коп.
16. Рясофорная послушница Павлина — 7 руб. 50 коп.
17. Священник о. Владимир Зорин за 2 месяца — 50 руб.
18. Писарь — послушнице Александре Кореневой — 15 руб. [60, л. 110-111 об.].

Отношения между монастырем и населением близлежащих городов и селений можно условно разделить на хозяйственные и общественно-религиозные. Как видно из приведенных примеров, хозяйственные отношения были весьма активными, так как это было выгодно и для крестьян, и для монастыря. Крестьян в первую очередь привлекала близость места, где можно было иметь высокооплачиваемую работу. Наличие работы рядом с домом гарантировало стабильность в семейных и общественных отношениях. Мужчины были постоянно среди своих, никуда не уходили. Этому способствовал и коллективный метод летних работ, которые организовывал монастырь.

В финансово-экономических отношениях монастыря и наемных рабочих важной была договорная система. Уже в 1843 г. монастырь практикует заключение контрактов с рабочими. Так, 20 мая 1843 г. был подписан контракт между монастырем и крестьянами на выгонку дегтя. Документ содержит вступительную часть и по пунктам расписанные условия выполнения работ: «Мы, нижеподписавшиеся Иван Павлов Риндин и Иван Григорьев Кенух, крестьяне помещика Ладомирского Черниговской губернии Новозыбковского уезда местечка Симионовки, заключили этот контракт с отцом настоятелем архимандритом Геннадием и братией на выгонку дегтя из бересты на следующих условиях:

1. Обязуемся до начала работ уплатить 40 руб. серебром настоятелю в виде залога для обеспечения монастыря.

2. При снятии бересты не рубить самого дерева; не снимать исподней коры; не снимать бересты выше головы, не причинять дереву другого вреда.

3. Все дополнительные рабочие нанимаются исполнителями и содержатся ими.

4. Монастырь получает третью часть дегтя. Деготь разливается в бочки монастыря и исполнителей.

5. Работы выполняются в течение двух месяцев — мая и июня.

6. Бересты заготовить ровно на одну печь.

7. Весь деготь должен быть одинакового качества, а монастырь имеет право выбора своей части дегтя.

8. После выгонки дегтя из первой печи будет произведен осмотр леса. При обнаружении ущерба заявители лишаются залога и прекращают работы.

9. Если нарушений не будет обнаружено, то залог возвращается заявителям.

10. Заявители имеют право снимать кору на всей монастырской территории.

11. Рабочие должны иметь свидетельства на право выполнения данных работ. При обнаружении нарушения ответственность несут заявители, подписавшие контракт» [64, л. 1 об.].

В 1882 г. между настоятелем монастыря Пафнутием и мещанином Алексеем Федотовым Коскиным был подписан договор «О сдаче в аренду ветковскому мещанину А. Коскину земли и строений упраздненного монастыря» (земли и строения Макарьева монастыря. — А.А.).

Согласно плану, А. Коскин брал в аренду на 6 лет 40 десятин земли со строениями. За аренду земли он должен был уплатить монастырю 1 тыс. 800 руб. Сумма погашалась 2 раза в год равными долями по 150 руб. серебром. Кроме того, арендатор должен был давать монастырю в год 15 пудов антоновских яблок [65, л. 1, 5-7 об.].

В отдельные годы для выполнения большого объема работ приглашалось население почти целых деревень. Так, в 1884 г. для работ из д. Бобовичи были приглашены: Павел Итиков, Алексей Михайлов, Устин Коваль, Силивейстр Сергеев, Евграфия Силкина, Никита Федоров, Меркул Андреев, Василий Бондаренко, Петр Кулеша, Иван Васильев Дубинин, Роман Золотарев, Андрей Солдун, Степан Дмитриев, Кирилл Федоров, Иван Итиков, Петр Пузиков, Евмен Осипов, Василий Григорьев, Илья Васильев, Александр Герасимов, Степан Яковлев Нестеров, Лукаш Копытков, Леон Дубинин, Паша Андреев, Сергей Дубинин, Михайло Константинов, Даниил Лысенков, Артем Алешкин, Павел Межихин, Иван Слугенков, Аксен Степанов, Василий Мелышков, Прокоп Борсук, Прокоп Николаев, Захар Семенов, Егор Михайлов. Им выплатили 340 руб. 13 коп. [66, л. 3].

Начиная с 1890 г. монастырь все больше своей земли сдает в аренду. В 1897 г. подписывается четыре договора на сдачу в аренду участков монастырской земли. 7 сентября 1897 г. архимандрит Палладий и крестьяне д. Бобовичи Степан Руденков, Степан Дубинин и Евсевий Бондаренков подписали договор о нижеследующем:

«1. Архимандрит Палладий отдает в аренду выше указанным крестьянам монастырский луг сроком на 3 года (с 1 января 1898 г. по 1 января 1901 г.). Ежегодно крестьяне за половину площади монастырю уплачивают 110 руб. Косьба и уборка сена должны осуществляться своевременно. Половина убранного сена поступает в собственность монастыря. Монастырское сено Степан Руденков, Степан Дубинин и Евсевий Бондаренков должны доставить в монастырь.

2. После того как сено будет сложено в стога, монастырь имеет право выбора своей части. Сено может быть забрано в любое время. Зимой Степан Руденков, Степан Дубинин и Евсевий Бондаренков на своих лошадях, должны доставить сено туда, куда будет указано.

3. Степан Руденков, Степан Дубинин и Евсевий Бондаренков должны расчистить весь кустарник, находящийся на сенокосе.

4. При наступлении косовицы и хорошей погоды должны немедленно приступить к уборке сена.

5. Дополнительная плата должна проводиться ежегодно по сто десять рублей в следующий срок: до 14 сентября 1898 г. — 40 руб.; до 1 ноября — 15 руб.; до 1 января 1899 г. — 35 руб.

6. Данное условие должно свято соблюдаться каждой из сторон.

Святость подписями своими удостоверили: настоятель архимандрит Палладий и крестьяне Степан Руденков, Степан Дубинин и Евсевий Бондаренков» [67, л. 1-5].

Подводя итоги финансово-экономической деятельности Чонского монастыря, необходимо отметить, что на всех этапах своего существования монастырь активно сотрудничал с местным населением. Для нормального существования обители привлекались различного рода специалисты даже из отдаленных городов. Сложившиеся отношения были выгодны как для монастыря, так и для представителей всех сословий, которые были вовлечены в финансово-экономическую деятельность обители. Для Чонского монастыря ситуация складывалась так, что он без помощи внешнего мира существовать не мог. Для монастыря было два выхода: либо медленно беднеть и прекратить свое существование либо, изменив прежние устои и правила, продолжать монашеское служение. Вместе с руководством Могилевской епархии монастырь выбрал путь монашеского служения в новых условиях.

Глава 5

ДУХОВНОЕ СЛУЖЕНИЕ НАСТОЯТЕЛЕЙ И БРАТИИ МОНАСТЫРЯ

Изучение монастырей и монашества имеет длительную и сложную историю, на которую оказывал влияние господствующий тип общественного сознания. Влияние было не односторонним, но взаимопроникающим, так как монашеские аскетические идеалы также способствовали формированию типа общественного сознания или его отдельных составляющих, что проявлялось, разумеется, по-разному в средневековье и в новое время, в XVI в. и в XIX в.

Исследователи монашества и монастырей во всех государствах сталкиваются с парадоксом. С одной стороны, бесспорны и очевидны авторитет и почитание, которым окружены личность монаха и святая обитель; монашеский идеал оказывает влияние как на духовную сторону жизни, так и на формирование нравственного облика, нравственных ценностей и ориентации общества, его менталитет не только в средние века, но и в новое время. Это нашло отражение в классической русской литературе (Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков и др.), в своих трудах об этом пишет польский историк Антон Миронович. С другой стороны, очевидна тенденция критики представителей монашества и монастырских порядков, столь же древняя, как и его апологетика. Обе постоянно давали о себе знать на протяжении всей истории монашества. Критика могла исходить из светской среды, а также иметь внутрицерковный и внутримонашеский характер, при этом в разных случаях ее цели и объекты были различными.

Все это говорит о том, что нужна целостная картина истории монашества и монастырей в каждом государстве, их исторической эволюции. Важно также определить связь монастырей со всем ходом развития государства.

Первым настоятелем Чонского монастыря после присоединения его к православию на правах единоверия был строитель иеромонах Сергий. До этого Сергий жил на Иргизе, в старообрядческом Успенском монастыре, где был строителем с 1780 г. 6 августа 1798 г. Сергий был рукоположен в иеродиаконы, 8 августа — в иеромонахи и 12 августа назначен настоятелем Чонского монастыря. Руководил он монастырем до 1799 г. Затем настоятелем монастыря был строитель иеромонах Исайя (с 1799 г. до 1801 г.). В 1802 г. монастырем руководил иеромонах Иоасаф и монастырь назывался Чонский Успенский старообрядческий общежительный. До 1805 г. обитель возглавлял игумен Иоасаф [11, с. 201; 68, л. 1, 13].

С 1805 до 1807 гг. настоятелем монастыря был иеромонах Арсений, родом из купеческого сословия г. Калуги, из старообрядческой семьи. В 1772 г. в слободе Добрянке Черниговской губернии в старообрядческом Введенском монастыре беглый иеромонах Николай постриг его в монашество. С 1772 г. Арсений выполнял разные послушания у старообрядческого игумена Феофилакта: был экономом, поверенным, казначеем и строителем в мужских монастырях — Добрянском, Чонском, Лаврентьевом и женском слободы Спасовой (Могилевской губернии), а 24 марта 1795 г. иеромонах Виталий присоединил его к православию. Данное событие было совершено в Свято-Троицком единоверческом монастыре Черниговской губернии Новозыбковского уезда. 6 января 1803 г. высокопреосвященным архиепископом Могилевским и Витебским Анастасием (Братановским) Арсений был рукоположен в иеромонахи, а в 1804 г. его назначили настоятелем Чонского монастыря. Арсений обладал писательским талантом: писал стихи и прозаические произведения в защиту православия, для старообрядцев, которых считал заблудшими, написал историю о вере несомненной, о любви нелицемерной и о надежде истинной.

После Арсения настоятелем Чонского монастыря был игумен Иоиль (до 1810 г.), а затем игумен Августин. Августин происходил из дворовых людей села Нижнего Ландеха Гороховецкого уезда Владимирской губернии. 18 ноября 1803 г. в единоверческом Черниговском Свято-Троицком монастыре он был пострижен иеромонахом Серапионом в монашество. В этом же монастыре Августин нес разного рода послушания: был писарем, клиросным канонархом, будильником и казначеем. После этого десять месяцев находился на клиросном послушании при преосвященном Анастасии, архиепископе Могилевском. 30 августа 1809 г. архиепископом Могилевским Варлаамом (Шишацким) Августин был рукоположен в иеродиаконы, а 15 сентября — в иеромонахи. В 1810 г. был назначен вицестроителем Чонского монастыря. В 1813 г. был утвержден в должности строителя, а 15 июня 1819 г. назначен игуменом Чонского монастыря. Августин дольше всех управлял монастырем — с 1810 по 1829 гг. При нем 28 сентября 1828 г. Чонский монастырь был возведен в третьеклассный и стал получать содержание от казны в размере 2 011 рублей 42 коп. В 1830 г. Чонский монастырь был переименован в православный. Это было связано с тем, что монастырь не находил надлежащего числа братии среди старообрядцев-единоверцев [11, с. 201-202].

После переименования монастыря из единоверческого в православный настоятелем его был игумен Феоктист, происходивший из

купеческой семьи. В 1808 г. Феоктист принял монашество в Косовецком монастыре Бессарабской области, с 1821 г. — настоятель Шкловского Воскресенского монастыря Могилевской епархии. В 1824 г. произведен преосвященным архиепископом Могилевским Иосафом в игумены и являлся настоятелем Мстиславского Тупичевского монастыря. В апреле 1831 г. Феоктист переведен в настоятели Чонского монастыря, которым и управлял до 1836 г.

После игумена Феоктиста временно исполнял должность настоятеля монастыря заштатный игумен Боголеп. С 1798 г. он был в течение 17 лет иеродиаконом Чонского монастыря. В 1815 г. рукоположен в иеромонахи Могилевским архиепископом Даниилом и назначен настоятелем Невельского монастыря, которым и руководил до 1827 г. В этом же монастыре был рукоположен в игумены. С 1827 по 1829 гг. очередное священнослужение отправлял в Могилево-Братском Богоявленском монастыре. В 1829 г. Боголеп был переведен в число братии Чонского монастыря.

С 1837 по 1841 гг. настоятелем монастыря был архимандрит Никодим. Родился он в 1775 г. 19 июня 1825 г. в Могилевском Архиерейском Доме пострижен в монахи. В 1795 г. назначен стихарным дьячком в Дубровинскую Покровскую Заднепровскую церковь, а затем переведен на эту же должность в Дубровинскую Никольскую церковь. В этой же церкви в 1802 г. преосвященным Анастасием рукоположен в диаконы. Отличался Никодим добросовестным отношением к своим обязанностям, помогал монахам в овладении грамотой, вел приходно-расходные книги. Прилежное отношение к службе, хороший интеллектуальный уровень позволили ему стать иереем. В 1810 г. преосвященным Варлаамом Никодим рукополагается в священники и направляется в Ховбнекскую церковь Бабиковичского уезда, где прослужил до 1823 г. В сентябре 1823 г. его переводят в Могилевский архиерейский дом, а 25 мая 1825 г. по резолюции преосвященнейшего Иоасафа назначен присутствующим в Могилевское домовое правление. В эти годы Никодиму приходилось заниматься больше внецерковной деятельностью, и тут он зарекомендовал себя хорошим организатором. С 9 июля 1825 г. Никодим возглавляет приход в Крестовой церкви. Иерея Никодима отличало строгое соблюдение устава, единообразие при совершении богослужения. С 10 мая 1826 г. по 1 июля 1827 г. попечитель в Могилевском попечительстве, одновременно исполняет обязанности казначея Архиерейского дома.

В 1828 г. за примерную, честную деятельность, долговременное служение и за труды на разных должностях из рук преосвященнейшего Павла Никодим получил набедренник. Следующий год стал

временем новых назначений. 4 июня 1829 г. Никодима назначают строителем в заштатный Шиловский Воскресенский монастырь, а 1 декабря этого же года присвоен сан монашествующего священства — игумен. С 1 ноября 1830 г. игумен Никодим преосвященнейшим Павлом назначается присутствующим Могилевской духовной консистории. За добросовестное служение, большую работу 30 января 1833 г. награждается наперстным крестом — Высочайше установленным знаком отличия для духовенства. Последующие годы также были связаны с активной церковной и внецерковной деятельностью. 25 декабря 1836 г. согласно указу Святейшего Правительствующего Синода от 6 декабря 1836 г. Никодим возведен в сан архимандрита.

По решению его высокопреосвященства архиепископа Могилевского и в соответствии с указом Могилевской духовной консистории от 17 августа 1837 г. Никодим назначен настоятелем Чонского монастыря. По поводу этой даты хотелось бы сделать уточнение. В «Могилевских епархиальных ведомостях» № 22-23 за 1889 г. сказано, что Никодим назначен настоятелем Чонского монастыря в 1839 г. Эту же дату мы указывали в своих статьях вышедших ранее. Однако с учетом найденных нами архивных документов следует считать, что назначение состоялось 17 августа 1837 г.

В ведомости Чонского Успенского третьеклассного монастыря за 1837 г. указано, что Никодим нации великорусской, по происхождению из духовного звания. Хорошо владеет русским и польским языками, свободно читает и пишет [11, с. 202-203].

Согласно архивным документам, с 1841 г. настоятелем монастыря стал архимандрит Геннадий (в «Могилевских епархиальных ведомостях» сказано, что это назначение было в 1842 г.). Родился он в 1784 г. Выходец из семьи священника. Окончил Могилевскую духовную семинарию. Будучи семинаристом, Геннадий интересовался и педагогической деятельностью, принимал участие в воспитательных мероприятиях разного рода. По национальности — белорус.

После окончания семинарии, в 1807 г., архиепископом Могилевским Варлаамом рукоположен в иереи и назначен в Ивольскую церковь Белицкого уезда. Полученные в студенческие годы педагогические навыки пригодились в будущем. В 1809 г. по предложению архиепископа Варлаама переведен в Покровскую церковь г. Чернигова и назначен смотрителем в открывшееся там духовное приходское училище. В 1811 г. Геннадий становится членом Черниговского уездного комитета. Полученный опыт работы, ответственное отношение к церковной и внецерковной деятельности позволили Геннадию в 1814 г. стать протоиереем, а в 1817 г. — ревизором благочиний

Могилевской губернии. В 1821 г. Геннадий назначается законоучителем в Черниговское училище, где занимается научной работой, пишет свои труды, много преподает и проводит большую воспитательную работу. На этой должности остается до 1837 г. Параллельно с 1828 г. был цензором проповедей. Проводил большую работу по привлечению в православие. Так, за 1835-1836 гг. присоединил к православию 1 310 душ обоего пола. В возрасте шестидесяти лет архимандрит Геннадий утвержден настоятелем Чонского монастыря.

За добросовестный труд Геннадий удостоен различных наград и знаков отличия. В 1812 г. награжден бронзовым крестом. В 1821 г. получает установленный для духовенства знак отличия — бархатную фиолетовую скуфью, а в 1832 г. — камилавку [11, с. 203-204].

С 1845 г. монастырь возглавил игумен Гермоген. Родился игумен Геромген в 1802 г. Выходец из мещан. Нации — греко-российской. Знал русский язык, хорошо читал и писал. Был обучен нотному пению. 23 ноября 1836 г. в Саратовской епархии пострижен в монахи. 8 декабря 1836 г. преосвященным Иаковом, епископом Саратовским, рукоположен в иеромонахи. Указом Св. Синода от 13 сентября 1845 г. переведен в Макарьев монастырь Могилевской епархии, а 6 октября 1845 г. назначен настоятелем монастыря. 23 февраля 1847 г. преосвященным Анатолием, епископом Могилевским, рукоположен игуменом Макарьева монастыря [69, л. 2]. Игумен Гермоген возглавлял монастырь до 1860 г.

К сожалению, найти характеристики всех настоятелей и точные даты их руководства монастырем нам не удалось. По отдельным настоятелям найдены только упоминания. Так, в 1860 г. монастырь возглавлял иеромонах Анатолий [70, л. 5], в 1864 г. — архимандрит Гедеон [71, л. 7], в 1877 г. — иеромонах Иоанн [72, л. 5].

С 1879 по 1885 гг. настоятелем монастыря был иеромонах Пафнутий (в миру Павел Александров Лебедев). Родился он в 1831 г. в Екатеринбургской губернии. Женат не был. Монашество принял в 1854 г. в Мануиловом старообрядческом монастыре, который находился в княжестве Молдовия. В этот монастырь будущий иеромонах Пафнутий пришел в 1853 г.

В 1863 г. Пафнутий возвращается в Россию и записывается в Казанское мещанское общество, однако в 1869 г. в связи с принятием монашества из этого общества был уволен. В 1869 г. определен в число братии Николаевского единоверческого монастыря в Москве. В этом же году был присоединен к православию на началах единоверия с совершением над ним святого миропомазания и подтверждения монашества. В 1870 г. Пафнутия переводят в Казанскую епархию и

определяют в число братии в Казанском архиерейском доме, 21 декабря 1870 г. рукополагают в сан иеродиакона, а 1 декабря 1871 г. — в сан иеромонаха. 19 ноября 1871 г. за особые заслуги и работу по обращению старообрядцев в единоверие награжден набедренником.

Пафнутий проводил большую работу по изданию и распространению православной литературы, за что 30 июля 1877 г. получил благодарность от епархиального руководства. 13 сентября 1878 г. по собственной просьбе был переведен в Свияжскую Подгородную Макарьевскую пустынь в число братии. Указом Священного Синода от 1 июня 1879 г. назначен настоятелем Чонско-Макариева единоверческого монастыря. На этой должности проявил себя как талантливый руководитель, как человек, способный к богослужению. В обращении с братией и работавшими в монастыре работниками был скромным. 12 марта 1885 г. епархиальным руководством отстранен от должности настоятеля за самовольную вырубку леса в дачах Чонского монастыря. Владел русским языком, знал церковное пение, изучал полемические книги. Принимал участие в дискуссиях, касающихся раскола Русской Православной Церкви [73, л. 1-3; 74, л. 2-5; 76, л. 5].

С 1885 г. монастырем руководил иеромонах Палладий (в миру Петр Валлийский). Родился в 1820 г. в семье дьячка. После окончания Могилевской духовной семинарии в 1840 г. определен дьячком в Костюковичскую церковь. Еще в стенах семинарии проявил склонность к учительской работе. С 1846 по 1857 годы он преподает в училище. В 1857 г. по указу Священного Синода за обучение крестьянских детей грамоте Петр Валлийский рукополагается в сан диакона. В 1859 г. назначен на штатную должность диакона в Донговской церкви, в 1866 г. переведен на ту же должность в Рогинскую церковь Рогачевского уезда.

25 августа 1868 г. Петр возвращается в Могилевский братский монастырь, а 3 ноября этого же года назначается диаконом в Краснинскую церковь. 4 февраля 1869 г. переводится псаломщиком в Болотнянскую церковь.

Поиски своего места в жизни продолжались. 4 марта 1875 г. Петр Валлийский, подав прошение и выйдя за штат, переводится в число братии Могилевского братского монастыря. Тут он занимает определенные должности и выполняет поручения епархиального руководства. 22 августа 1877 г. временно назначается казначеем монастыря, а 1 августа 1877 г. — преосвященным Евсевием архиепископом Могилевским, рукоположен в сан иеромонаха. С 1 марта 1878 г. по 3 февраля 1879 г. член временного ревизионного комитета по проверке отчетов духовного ведомства, 3 августа 1878 г.

назначается на должность казначея монастыря. За добросовестное выполнение своих обязанностей 6 января 1879 г. иеромонах Палладий награждается набедренником.

Дальнейшее служение иеромонаха Палладия было связано с Охорским монастырем. С 8 сентября 1879 г. он руководит этим монастырем, параллельно преподает богословие. За примерное служение 25 февраля 1885 г. по решению Св. Синода награждается золотым наперстным крестом. 4 февраля 1885 г. назначен настоятелем Чонско-Макариева мужского единоверческого монастыря [75, л. 10; 76, л. 2-3]. Игумен Палладий был последним настоятелем монастыря, когда обитель была мужской. С 1899 г. монастырь становится женским.

Исходя из исследованных источников, мы составили неполный список настоятелей Чонского монастыря:

1. Строитель монах Феофилакт — с 1775 по 1795 гг.
2. Строитель монах Авраамий — с 1797 по 1798 гг.
3. Иеромонах Сергий — с 1798 по 1799 гг.
4. Иеромонах Исайя — с 1799 по 1801 гг.
5. Иеромонах Иоасаф — с 1802 по 1805 гг.
6. Иеромонах Арсений — с 1805 по 1807 гг.
7. Игумен Иоиль — руководил до 1810 г.
8. Игумен Августин — с 1810 по 1829 гг.
9. Священник Стефан Голодковский, в 1830 г. временно руководил монастырем.
10. Игумен Феоктист-с 1831 по 1836 гг.
11. Игумен Боголеп, с конца 1836 по начало 1837 гг. временно руководил монастырем.
12. Архимандрит Никодим — с 1837 по 1841 гг.
13. Архимандрит Геннадий — с 1841 по 1845 гг.
14. Архимандрит Гермоген — с 1845 по 1860 гг.
15. Иеромонах Анатолий — руководил в 1860 г.
16. Архимандрит Гедеон — руководил в 1864 г.
17. Иеромонах Иоанн — руководил в 1877 г.
18. Иеромонах Пафнутий — с 1879 по 1885 гг.
19. Игумен Палладий — с 1885 по 1899 гг.
20. Игуменья Валерия — с 1899 г.
21. Игуменья Арсения — руководила в 1916 г.

Любой монастырь не может существовать без братии. В Российской империи за монахами велся пристальный контроль. Ежегодно в Чонском монастыре в «Ведомости о численности и поведении братии» составлялся список монахов и послушников, в конце проставлялся год. Например, полное название ведомости монастыря за 1813 г.

выглядело так: «Ведомость Чонского Успенского общежительного старообрядческого монастыря о находящихся во нем монашествующих и послушников в надежду послушания в монашество». Ведомости представляли собой своеобразные характеристики монахов, о чем свидетельствуют графы названной ведомости. В ней выделено 11 граф, из которых наиболее значимыми являются: чин и имя; какой нации; исполненных чинов; чему обучен или кем обучен; когда и где пострижен в монашество; как проходил послушание и с какого года в настоящем чине; сколько от роду лет; какого поведения; какому служению способен или не способен.

Ежегодно в Чонском монастыре проживало от 7 до 10 монахов и послушников. Монастырь заботился о сохранении своего устава и традиций, установленных среди братии. Человек, изъявивший желание стать монахом, сначала принимался в качестве послушника. Обязательным условием был труд на благо монастыря. Устанавливался испытательный срок от года до трех лет. В течение этого срока проверялась его способность переносить трудности жизни и искренность желания стать монахом. Послушники участвовали в монастырском труде, присутствовали на церковных службах, принимали пищу вместе с монахами.

В 1813 г. в Чонском монастыре числилось 8 монахов.

Строитель иеромонах Августин, 34 лет. Нации великороссийской. Родом из Владимирской губернии, Гороховского уезда, села Нижнего Ландеха, из вольных уваровских людей. Обучен российской грамоте (читать и писать). Пострижен в монахи 18 ноября 1803 г. в Черниговской губернии Новозыбковского повета в Никодимовом православном старообрядческом монастыре иеромонахом Сергпиюном. С 1803 г. в Никодимовском монастыре, с 20 марта 1807 г. в Чонском монастыре. 30 августа 1809 г. рукоположен в иеродиаконы, а 15 сентября рукоположен в иеромонахи. В 1809 г. после избрания и прошения братией, назначен ризничим, в этом же году в названной должности утвержден и духовной консисторией. 27 мая 1810 г. в должности ризничего, по предложению преосвященного Варлаама из духовной консистории был утвержден вице-губернатором. В 1813 г. преосвященным епископом Даниилом утвержден строителем.

Иеродиакон Боголед, 39 лет. Нации великорусской. Из московских беглых помещичьих крестьян, затем в Ростовской губернии записался в мещане. Обучен российской грамоте (читать и писать), а также старообрядческому крюковому пению. 19 апреля 1798 г. в православном Никодимовом монастыре пострижен в монахи настоятелем иеромонахом Варлаамом. 8 августа 1798 г. рукоположен в

иеродиаконы преосвященным митрополитом Гавриилом. В 1799 г. был послан за сбором милостивого подаяния. 3 октября 1809 г. по предложению преосвященного Варлаама утвержден духовной консисторией в должности строителя. 24 мая 1810 г. избран иеродиаконом. В 1811 г. в силу слабого здоровья — ризничим.

Схимонах Варнава, 75 лет. Нации великорусской. Из дворцовых крестьян Вологодской губернии. В церкви читать не умеет, другому не обучен. Рукоположен в 1764 г. в Московской губернии Гуслицкого уезда беглым иеромонахом Павлом. В схиму облачен иеромонахом Иосафом.

Монах Исайя, 56 лет. Нации великорусской. Из крестьян и мещан Костромской и Черниговской губернии Новозыбковского уезда. Обучен читать и писать, другому не обучен. Рукоположен 1 сентября 1794 г. в Черниговской губернии Новозыбковского повета в православном Никодимовом монастыре.

Монах Ефрем, 74 лет. Нации великорусской. Грамоте и другим делам не обучен. Из крестьян из Смоленской губернии. Рукоположен в 1800 г. в Могилевской губернии Белицкого повета в старообрядческом Макарьевом монастыре иеромонахом Иосафом.

Монах Исидор. Нации великорусской. Грамоте не обучен. Из мещан из Могилевской губернии Белицкого повета.

Монах Никодим, 71 год. Нации малороссийской. Грамоте не обучен. Из крестьян Могилевской губернии Белицкого повета слободы Ветки.

Монах Вениамин, 25 лет. Нации великорусской. Обучен писать и читать. Из купеческих детей из Москвы [8, с. 32-33].

В 1815 г. в монастыре проживали семь монахов и два послушника. В ведомости «О численности монахов» были графы: «Чин и имя»; «Сколь от роду лет»; «Какого поведения»; «В чем худо поступал с начальством и не с начальством, какие дела».

1. Иеродиакон Боголеп, 40 лет. Поведения слабого.

2. Схимонах Варнава, 76 лет. Поведения посредственного.

3. Монах Исайя, 57 лет. Поведения лукавого, панцелярного и слабого.

4. Монах Ефрем, 75 лет. Поведения худого и слабого.

5. Монах Исидор, 89 лет. Поведения простого, грубого и слабого.

6. Монах Никодим, 72 года. Поведения хорошего и трудолюбивого.

7. Монах Вениамин, 31 год. Поведения хорошего.

8. Послушник Василий Васильев из Гаево, 75 лет. Поведения посредственного.

9. Послушник Лаксип Иванов, 70 лет. Поведения слабого, в пост хорошего [78, л. 2-7].

В отдельные годы в Чонском монастыре было три-четыре монаха и несколько послушников. Например, в 1832 г. — три монаха и три послушника.

1. Настоятель игумен Феоктист, 53 года. Родом из Подольской губернии, из купеческих детей, обучен русской грамоте.

2. Заштатный игумен Боголеп, 62 года. Нации великорусской, из мещан, обучен русской грамоте (читать и писать).

3. Иеромонах Порфирий, 82 года. Нации белорусской, из мещан, обучен русской грамоте (читать и писать).

4. Послушник Стефан Кудинович, 29 лет. Нации белорусской, сын пономаря, окончил Гомельское приходское училище.

5. Послушник Василий Трусевич, 16 лет. Нации белорусской, сын дьяка, окончил Гомельское уездное училище.

6. Послушник Михаил Добровольский, 18 лет. Нации белорусской, сын пономаря, окончил Гомельское уездное училище [39, л. 4].

Что касается послушников монастыря в 1832 г., то, как видим, все они были по национальности белорусами. Интересным является тот факт, что в последующие годы в списках братии мы их не находим. Возможно, после пострижения в монашеский сан они были переведены в другие монастыри или после испытательного срока отказались принимать монашество. Например, в ведомости братии монастыря за 1850 г. указано, что все монахи и послушники нации греко-российской, белорусов тут нет. Если представить, что послушники монастыря 1832 г. Василий Трусевич и Михаил Добровольский, которым было соответственно 16 и 18 лет, при пострижении в монашество получили новые имена, то в списке монахов за 1850 г. должно было быть два монаха в возрасте 34 и 36 лет соответственно. В ведомости братии за 1850 г. монахов такого возраста нет.

Ведомость Чонско-Макариева единоверческого третьеклассного мужского монастыря с указанием числа братии и их поведения за 1850 г.:

1. Настоятель игумен Гермоген, 48 лет. Нации греко-российской, обучен читать и писать на русском языке, а также нотному пению.

2. Иеромонах Пимен, 66 лет. Нации греко-российской, из крестьян, обучен читать и писать на русском языке. Пострижен в монахи 20 января 1846 г. в Могилевской епархии.

3. Иеромонах Анатолий, 45 лет. Нации греко-российской, из мещан, обучен читать и писать на русском языке. Пострижен в монахи 6 марта 1849 г. в Могилевской епархии.

4. Иеродиакон Смараго, 40 лет. Нации греко-российской, из крестьян, обучен читать и писать на русском языке. Пострижен в монахи 8 ноября 1846 г. в Могилевской епархии.

5. Послушник Алексей Черников, 40 лет. Нации греко-российской, из мещан, обучен читать и писать на русском языке.

6. Послушник Иосиф Семенов, 67 лет. Нации греко-российской, из крестьян, обучен читать и писать на русском языке.

7. Послушник Феофилакт Яковлев, 48 лет. Нации греко-российской, из крестьян, неграмотен.

8. Послушник Трофим Лукьянов, 68 лет. Нации греко-российской, из мещан, неграмотен.

9. Послушник Исидор Дементьев, 50 лет. Нации греко-российской, из крестьян, неграмотен.

10. Послушник Тимофей Свиоев, 62 года. Нации греко-российской, из отставных инвалидов, обучен читать и писать на русском языке [69, л. 2-3].

В отдельные годы монастырь подавал в Могилевскую духовную консисторию только списки монахов и послушников, подробные характеристики отсутствуют. Более того, с каждым годом эти характеристики становились короче. В послужном списке монахов и послушников Чонско-Макариева монастыря за 1885-1887 гг. имеются краткие характеристики. Что касается настоятеля монастыря, то на него, как правило, давалась подробная биография.

1. Настоятель иеромонах Палладий, 65 лет. Окончил Могилевскую духовную семинарию (подробная его биография описана выше).

2. Ризничий иеромонах Анатолий, 74 года. Обучен читать и писать на русском языке. Хорошо знает церковный устав.

3. Иеромонах Пафнутий, 54 года. Обучен читать и писать на русском языке. Хорошо знает церковный устав.

4. Иеромонах Иона, 49 лет. Обучен читать и писать на русском языке. Хорошо поет.

5. Иеродиакон Иаков, 42 года. Обучен читать и писать на русском языке. Хорошо поет.

6. Иеродиакон Герасим, 40 лет. Обучен читать и писать на русском языке. Хорошо поет.

7. Монах Тихон, 68 лет. Обучен читать и писать на русском языке. Хорошо поет.

8. Послушник Андрей Сергеев Буртов, 43 года. Обучен читать и писать на русском языке. Хорошо поет [76, л. 2-9].

Как видно из кратких характеристик, к 1885 г. вся братия монастыря была грамотной, часть ее знала церковный устав, а большинство хорошо пели. Данный состав монастырской братии из всех нами показанных был самым образованным и подготовленным. По количеству монахов также выглядел представительно.

Существование любой обители невозможно без послушников. Это будущие монахи, хотя и не все послушники становились ими. Монастырь постоянно заботился о сохранении строгости устава и «духовной крепости» своих иноков. Человек, изъявивший желание поступить в обитель, сначала принимался в качестве «годового богомольца», обязанного трудиться на благо монастыря, нес послушание. В течение этого срока проверялась его способность переносить тяготы жизни в монастыре и искренность его желания отречься от соблазнов и благ мира. Только после этого он становился послушником. Обязательное трехлетнее послушническое испытание в Чонском монастыре могло быть по усмотрению монастырского начальства продлено на несколько лет. Послушники не только участвовали в монастырском труде, но и присутствовали на церковных службах и имели свое келейное правило, трапезничали вместе с монахами. После длительного испытания послушник удостаивался чести принять монашеский постриг.

Монашествующие подразделялись на три степени: новоначальных (рясофорных), малосхимников (их обычно и называли монахами) и великосхимников (их часто называли схимниками). К XIX в. в «великую схиму» посвящались чаще престарелые или очень больные малосхимники, что, по мнению одного из соловецких старцев, было связано с трудностью обетов, принимавшихся великосхимниками (безмолвия и затворничества).

В соответствии с «чином» менялась и одежда инока: первоначальным полагалась ряса и камилавка (шапочка из вяленой шерсти), малосхимникам - монашеская мантия и клобук («шлем спасения»), а великосхимникам — кукуль (вид капюшона, закрывающий не только голову, но и плечи, грудь и спину, с изображениями креста на них). Кроме того, малосхимникам полагался параман — четырехугольный плат из материи с изображением восьмиконечного православного креста на подножии, орудий страстей Христовых и черепа Адама, надевавшийся крестообразно (у великосхимников это аналав).

Кроме монашеского одеяния, инокам полагались по уставу рубашки, кафтаны и шубы, сделанные из недорогих тканей и мехов, а по уставу Иосифа Волоцкого для получения новой одежды монах должен был предъявить ветхую.

Обряд пострижения — важный момент в жизни инока, но только начальный момент его продвижения духовного. Преп. Елеазар так описывал этот чин; в ночь перед пострижением послушника отводят в особую келью и повелевают проводить ночь без сна. Игумен избирает из братии старца, который мог бы наставлять новоначального инока. Старец молит игумена не возлагать на него такого тяжелого бремени, признавая себя самого нуждающимся в наставлении и руководстве. Игумен делает ему замечание за ослушание, старец повинуется и берет у игумена благословение. Готовящегося к пострижению вводят в церковь, снимают с него мирские одежды и облекают в рясу. Перед царскими вратами на аналое ставят Евангелие и кладут ножницы. После того как священник или игумен совершат обряд по чину, братия, целуя Евангелие, спрашивают нового инока о его имени, и тот называет свое имя. Из его рук берут Евангелие, игумен призывает старца и, взяв инока за правую руку, передает его в послушание старцу. Старец ведет инока сначала к храму преп. Зосимы и Савватия, а потом в свою келью, совершив все по келейному чину, читает с ним часы и кадит образа.

Старец же учит новоначального инока Иисусовой молитве, следит за ним в трапезной и в храме, наставляет в правилах иноческой жизни. Он показывает иноку, где тот должен сидеть в трапезной, где стоять в келье при совершении правила, т.е. посвящает его во все тонкости поведения монаха.

Со дня пострижения начиналась монашеская жизнь. Значительную часть дня монашествующий посвящал молитвам (в церкви и келье). Череда церковных богослужений определяла и весь порядок жизни в общежительном монастыре [25, с. 289].

Основным содержанием светового дня рядового монаха и послушника был физический труд (послушание). Нахождение Чонского монастыря в пойме р. Сож создавало особые трудности для ведения монастырского хозяйства и поддержания сил братии. Практически во всех работах, необходимых для поддержания жизни и успешного ведения хозяйства, принимали участие монахи.

Более высокую степень в системе послушаний занимало церковное богослужение. Монахи-священники (иеромонахи) и дьяконы (иеродьяконы), а также «клирошане» составляли особую группу, которая редко привлекалась для черной работы. Их главной обязанностью было уставное церковнослужение.

К пострижению в монашество в монастыре относились строго. За этим следила и Могилевская духовная консистория. В апреле 1846 г. настоятель монастыря иеромонах Гермоген в рапорте в Могилев-

скому архиепископу писал: «Послушники монастыря Михаил Иванов Садовцев, Веновий Иванов и Семен Ковалев просят меня постричь их в монашество, кои имеют от роду лет: первый Садовцев — 55, второй Иванов — 46, последний Ковалев — 45. Все они холосты, ведут себя добропорядочно и трезвой жизнью, к послушанию усердны, коих прошение в подлиннике честь имею представить. Прошу Вас на оное пострижение наградить меня Вашим архипастырским благословением».

В заявлении послушник Зиновий Иванов писал:

«Его Преподобию
Единоверческого Макарьева
третьеклассного монастыря
настоятелю иеромонаху Гермогену
послушника монастырского Зиновия Иванова

Покорнейшее прошение

Находясь я в послушниках в монастыре сем уже немалое время почему и приспособил себя к монашеской жизни и всеусердно желаю принять пострижение, а потому и прошу всепокорнейше Ваше преподобие не оставить сей моей прозьбы ко спасению души моея, удостоить желаемого мною пострижения в монашество в Братство Сего монастыря ноября 3 дня 1845 г. Ко сему прошению Единоверческого Макарьева третьеклассного монастыря послушник Зиновий Иванов руку приложил» (орфография оригинала сохранена. — А.А.).

11 июля 1846 г. епископ Могилевский и Мстиславский Анатолий сообщил иеромонаху Гермогену, что Св. Синод указом от 30 июня за № 1159 разрешил постричь в монашество послушников, находящихся в Макарьевом монастыре [87, л. 1-4].

Пристальное внимание уделялось и посвященным в сан. Например, 19 ноября 1846 г. епископ Анатолий в письме к настоятелю иеромонаху Гермогену писал: «Иеродиакон Пимен, иноки Фадей и Смарагд рукоположены мною 17 ноября, первый в иеромонаха, а инок Фадей в иеродиакона. 19 ноября тот же Фадей рукоположен в иеромонаха, а инок Смарагд в иеродиакона. Предписываю Вам, о. Гермоген, всемерно озаботиться обучением их надлежащим образом чтению и совершению богослужения по церковному чинопочитанию, не иначе допуская иеромонаха Пимена и Фадея к совершению божественной литургии. В продолжение месяца наблюдать за ними Вам или отцу Гедеону, указывая им, как должно священнодействовать во всех отношениях» [88, л. 2].

Более строгое отношение было к мещанам и купечеству. Так, в сентябре 1860 г. в Могилевской духовной консистории слушалось заявление гомельского купца 3-й гильдии, единоверца Василия Зеновича Привалова. Он относился к Ильинской церкви и был старостой.

В заявлении Привалов писал, что желает принять монашество. Обосновывал свое желание тем, что уже стар. Сообщал, что умеет читать церковные книги, что руководил клиросом в единоверческой церкви и знает церковный устав.

Для решения вопроса духовная консистория письменно обратилась в Гомельскую городскую думу с просьбой ответить на вопросы: 1. Нет ли долгов у купца 3-й гильдии Привалова? 2. Имеет ли в настоящее время жену? 3. Если вдов, то первым браком был венчан или вторым, с девицей или вдовою? 4. Сколько Привалову лет?

Для окончательного решения вопроса Василию Привалову разрешалось жить в Чонском монастыре. После получения всех ответов и их анализа Могилевская духовная консистория обратилась с просьбой в Св. Синод о разрешении постричь в монахи Василия Привалова. В декабре 1860 г. такое разрешение Св. Синод выдал [70, л. 5-7].

К настоятелям монастыря обращались люди с просьбой о принятии в послушники и желанием в дальнейшем постричься в монахи в силу различных жизненных неудач. В июле 1881 г. на имя настоятеля монастыря иеромонаха Пафнутия поступило прошение от священника Владимира Яковлева Ковоновского следующего содержания: «Проживши на свете около 37 лет и не предвидя ничего хорошего в мире для себя, имею ревность поступить во вверенный Вашему Высокопреподобию монастырь, для послушания. До конца своей жизни трудиться по возможности и силе, а потому смиреннейше прошу Вашего Высокопреподобия принять меня, беспомощного и бесприютного в жизни сей, в монастырь впредь до усмотрения Вашего» [89, л. 3].

В 1882 г. прошение о принятии в состав братии было подано от мещанина Григория Леонова Осмаловского. Прошение имело другого рода содержание: «На старости лет пришлось мне скитаться и искать приюта. Будучи без сил к заработку на дневное проживание себя, я не имею возможности найти себе службу по моим силам. Решил утруждать особу Вашего Высокопреподобия и униженно просить принять меня пожизненно в заведываемый Вами монастырь и определить какое-либо занятие. Я надеюсь, что по моим силам трудом Вы будете довольны. Смею надеяться, что не получу отказа в моей просьбе, а этим заставить вечно молить Бога о Вашем здравии и долголетии» [89, л. 13].

Как видно из проанализированных архивных источников, в монастыре часто менялись настоятели. Это в первую очередь связано с тем, что монастырь был единоверческим. Тут проживали монахи, которые в прошлом были старообрядцами и имели свои взгляды на внутреннюю монастырскую жизнь и связь с внешним миром, а также те, кто придерживался устава, выработанного в Русской Православной Церкви. Взгляды тех и других настоятелю приходилось учитывать и регулировать отношения между ними. Когда эти отношения между братией монастыря и настоятелем заходили в тупик, одним из выходов для Могилевской епархии была замена настоятеля.

Что касается монахов и послушников, то их количество составляло около десяти или чуть более человек. Когда монастырь был старообрядческим, в нем проживало до ста монахов и более. После того как обитель перевели в разряд единоверческого монастыря, большая часть братии его покинула и перешла в существовавшие еще старообрядческие монастыри. Это касалось не только Чонско-Макариева монастыря. Такая ситуация наблюдалась и в других подобных по составу монастырях.

Глава 6

МОНАСТЫРЬ КАК ЦЕНТР ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Трудно переоценить вклад монастырей в формирование духовной культуры белорусского народа. Это прежде всего вклад в отечественную архитектуру, живопись, музыку, просвещение и воспитание.

Мы сделали попытку собрать фактический материал и на его основе выделить наиболее характерные для Чонского монастыря направления деятельности, связанные с влиянием на культуру региона и поддержанием духовных традиций православия. Среди этих направлений можно выделить: строительство церквей монастыря; изменение его внешнего вида; ведение переписки с различными учреждениями; создание монастырской библиотеки и архива. Нельзя не отметить огромное просветительное и религиозно-нравственное влияние монастыря на окрестное население.

Анализ архивных документов дает возможность восстановить картину жизни братии по указанным выше направлениям. Монастырь являлся также местом исправления непослушных и нарушителей церковного устава. Первое описание Чонского монастыря (церквей и других строений) нами найдено в документах за 1932 и 1936 гг.

При монастыре была деревянная церковь из хорошего дерева. Церковь имела два престола. Первый престол был освящен во имя Успенья Богородицы. На нем находился антиминс из атласа. 1 ноября 1797 г. его освятил митрополит Екатеринославский Гавриил. Второй престол был освящен во имя св. Николая епископом Могилевским Павлом 2 ноября 1830 г. На престоле находился новый, из атласа, антиминс.

В главной церкви иконостас был резным и покрыт золотом. В нем размещались разных размеров иконы, большинство из которых были старинными. В иконостасе имелись и новые иконы. В храме находилось достаточное количество утвари. Церковь украшал переделанный купол, покрытый железом и покрашенный зеленой краской. Колокольня, которая находилась возле церкви, сооружена на столбах из крепкого дерева.

На территории монастыря размещались монашеские кельи — новые и удобные для проживания. Кроме того, имелась трапезная и напротив — изба для приготовления пищи. На скотном дворе находились два хозяйственных помещения, построенных из хорошего

дерева. Все остальные строения на скотном дворе были ветхими. Высокий забор, которым был огорожен монастырь, также требовал ремонта. За скотным двором находилась хорошая баня [39, л. 4 об.; 40, 6 об. — 7].

В ведомости за 1844 г. о Чонском Успенском третьеклассном монастыре находим уточнения о монастырских строениях: указывается, что на территории монастыря находится две церкви — теплая и холодная. Архиепископ Иглевский Иеизор освятил 4 февраля 1841 г. престол в теплой церкви во имя святителя Николая. Иконостас был оставлен старый, резной работы и небывалой красоты. В иконостасе размещались греческие иконы, а церковные врата были резными и позолоченными. В теплой церкви имелись две иконы Богоматери, украшенные серебром, позолотой, драгоценными камнями и жемчугом. Покрытая тесом колокольня, на четырех прочных столбах и с четырьмя колоколами, находилась отдельно от церкви.

Холодная церковь была построена из хорошего дерева, покрыта гонтом, а стены обиты тесом. Престол освящен 4 февраля 1841 г. также архиепископом Иглевским Иеизором во имя Успенья Божьей Матери. В обеих церквах освящался новый антиминс из атласа. Иконостас в холодной церкви также был новым, резным.

На территории монастыря были и другие постройки: старая трапезная, требующая ремонта, обветшалые кельи, непригодные для жилья, новые кельи, где жили монахи, старый амбар для хлеба и старый сарай для скота. Имелось также давней постройки гумно, возле которого в 1843 г. построили новый сарай. Монастырь был огорожен в 1843 г. новой деревянной оградой из дубовых столбов. Имелось двое ворот — выездные и въездные [80, л. 1-1 об.].

Как уже отмечалось, в 1876 г. Макариев монастырь был упразднен и перенесен на старое место Чонского монастыря. Обитель построили на новом месте, на пригорке, в двух верстах от месторасположения старого монастыря, чуть дальше от Сожа. За короткое время на монастырской территории были построены новые здания и церкви. Руководство монастырем на этом этапе осуществляли настоятели Пафнутий, Иона и с ноября 1885 г. иеромонах Палладий.

В 1877 г. построили деревянную теплую церковь во имя Богоявления Господня. Храм был не очень большой, в древнерусском стиле. Имелось много старинных икон. Особенно выделялась местная икона Тихвинской Божьей Матери, от головного венца до низа украшенная алмазами, бриллиантами и жемчугом (размером пять четвертей в длину и один аршин в ширину). Икона была пожертвовано петербургской купчихой еще в старообрядческий Чонский монастырь.

В южной части монастыря располагался храм во имя Тихвинской Божьей Матери. Храм был из дерева, 32 аршина в длину, 12 аршин в ширину, 35 аршин в высоту. Раньше этот храм находился в Макариевом монастыре. Для его перевоза настоятелем Палладием и братией были собраны пожертвования и выделены деньги Священным Синодом в сумме 2 000 руб. Церковь была перевезена в 1887-1888 гг., поставлена на высоком каменном фундаменте и покрыта железом. Фасад храма на новом месте остался без изменения за исключением входов, у которых ранее открытые навесы заменили закрытыми папертями. Храм украшен семью небольшими главами, поставленными на тонких шейках, опирающихся на уступы кровли. При всей своей простоте храм имел оригинальный и изящный вид.

Отдельно от храмов, посреди монастыря, была устроена перевезенная в 1882 г. из Макариева монастыря пятиярусная колокольня высотой 51 аршин. Нижний ее ярус каменный, четыре верхних — из дерева. В нижнем каменном этаже хранилась монастырская ризница и библиотека, богатая древними церковными книгами и старообрядческими рукописями. На верхних ярусах висело 11 колоколов, самый большой весил 165 пудов.

Храмы располагались посредине монастыря, по краям монастыря — жилые и хозяйственные постройки. В западной части находился настоятельский корпус с мезонином и казначейский — оба деревянные. В восточной части располагалось пять отдельных келейных корпусов, каждый на четыре помещения. Все корпуса были деревянные на каменном фундаменте. В северной части находились хозяйственные службы. Все перечисленные постройки соединяла деревянная ограда, устроенная на каменном фундаменте, столбы ограды также были из камня. К северной части монастыря примыкал черный двор с хозяйственными постройками [10, л. 62-63].

В ведомости Чонско-Макариева монастыря за 1882 г. имеется подробное описание монастырских строений с указанием их размеров. Это единственный такого рода документ, найденный нами в исследуемом фонде.

Деревянная церковь была разделена на четыре части: алтарь; средняя часть; братская трапезная; пекарня со складом, а под ней — кухня из камня. Здание в длину имело 29 аршин и в ширину 12. Церковь была построена на каменном фундаменте и покрыта тесом. Престол освящен во имя Св. Богоявления. Отдельно от церкви стояла сооруженная из хорошего дерева колокольня, под ней было два этажа из камня. В основании колокольня имела квадратную форму

(размером 10 на 10 аршин), в высоту (с главой) — 51 аршин. Колокольня была покрыта белым английским железом.

Корпус настоятеля монастыря был с мезонином, длиной 29, шириной 10 и высотой 13 аршин. Половина корпуса покрыта шалевкой, до конца не достроен. Казначейский корпус покрыт новой шалевкой, в длину 21 аршин, в ширину — 10. Пять келейных корпусов возведены на каменном фундаменте, каждый корпус разделен на две половины. Длина каждого корпуса 21 аршин и ширина 9. Корпуса покрыты дором и шалевкой.

В квадрат построены конюшни с двумя кладовыми, одна возовня, три навеса. Все постройки занимали до 100 саженей. Деревянный амбар разделен на три части, покрыт шалевкой, с размерами в длину 22 аршина и в ширину 10. Под амбаром расположен каменный со сводами подвал. Навес для дров также покрыт шалевкой, длиной 10 и шириной 3 сажени.

Кроме того, имелся черный двор, где находились различные постройки:

а) жилая изба с чуланом на каменном фундаменте, покрытая шалевкой, длиной 21 и шириной 9 аршин;

б) под одной крышей мастерская для столяра и сапожников, а также кузница длиной 6 аршин, шириной 3 сажени. Крыша покрыта шалевкой;

в) сарай для складирования пиломатериалов, покрытый шалевкой;

г) навес для хранения ульев;

д) за оградой — баня.

На расстоянии двух верст от монастыря находился скотный двор. На его территории были две отдельные избы, два сарая, три навеса и один амбар. Недалеко от скотного двора имелось гумно с овином для молотьбы хлеба. Все постройки были покрыты соломой и частично тесом. Тут же находился завод по производству кирпича для монастырских нужд. При въезде в монастырский лес стояла изба-караулка для лесного сторожа. Монастырь и черный двор были огорожены деревянной оградой [53, л. 25-26].

Как уже отмечалось, в 1899 г. по указу Священного Синода преосвященным Мисаилом монастырь из мужского единоверческого был обращен в православный женский второго класса. Монастырь стал называться Чонско-Макариевым девичьим. В наследство девичьему монастырю остались две небольшие деревянные церкви. Холодная — во имя Тихвинской Божьей Матери. В алтаре, над престолом, размещалась прекрасной работы сень с золоченой резьбой

и двумя металлическими ангелами в рост человека. Теплая церковь — во имя Богоявления Господня с иконостасом со старинными иконами. Из святынь имелись мощи Божьих святых угодников. В ризнице были оставлены для пользования и хранения дорогие старинные сосуды и единоверческие ценные облачения. Для монахинь работала монастырская библиотека, в которой находились старинные богослужебные и святоотеческие книги и рукописи.

Монастырь был окружен хорошей деревянной, на каменном фундаменте, оградой. За оградой для священника и богомольцев находились большой фруктовый сад и рыбное озеро. Рядом было несколько дач, которые летом сдавались в аренду. По дороге из города в лесу размещалась небольшая часовня Знамения Божьей Матери. В 1907 г. в обители проживало 80 сестер. Первой настоятельницей женского монастыря была игуменья Валерия.

О жизни монастыря с 1899 по 1916 гг. известно мало. К сожалению, нами найдены только отдельные документы. Известно, что в 1916 г. настоятельницей была игуменья Арсения [77, л. 6].

Судьба монастыря была решена в 1916 г. В связи с приближением фронта монахини и монастырское имущество подлежали эвакуации. 5 июня 1916 г. представитель эвакуационной комиссии Западного фронта генерал-майор Павлов утвердил опись подлежащего эвакуации имущества Чонского женского монастыря Гомельского уезда Могилевской губернии. Список монахинь и ведомость имущества, подлежащего эвакуации, составил священник Владимир Зорин.

В описи имущества значились: 20 различных икон в серебряных ризах, 8 икон чеканной работы, 17 икон без риз, 2 иконы в бисерных ризах, Тихвинская икона Божьей Матери в серебряной ризе в жемчуге с ценными камнями, икона Знамения в серебряной ризе в жемчуге с ценными камнями, шкатулка с жемчугом и ценными камнями,

Список богослужебных книг составляли Евангелие в серебряном окладе, два Евангелия в бархате, два Евангелия в медном окладе. Среди другого имущества в описи значилось два креста с частицами мощей, четыре креста напрестольных, две дарохранительницы, два больших серебряных сосуда, три малых сосуда с дискосом, серебряные звездница и ковшик, три лампады из серебра, одно серебряное кадило, одно кадило из польского серебра, пять серебряных тарелочек, один серебряный кувшин.

Из священнических одеяний вывозилось 33 старые ризы и два стихаря, 10 полных священнических облачений и 17 диаконских стихарей, две напрестольные одежды. Все имущество весило 80 пудов, и отправлялось оно на станцию Гомель. Имущество настоятельницы

Арсении весило 10 пудов, священника — 10 пудов, имущество монахинь — весило 388 пудов. Для священника и семьи был определен вагон второго класса, для прислуги — третьего класса. В ведомости была графа «очередность отправки». Все отправлялись во вторую очередь.

Из недвижимости, которая оставалась в распоряжении эвакуационной комиссии, монастырю принадлежало 22 строения, из них — 9 домов (один дом каменный в г. Могилеве стоимостью 1 000 руб.). Деревянные дома стоили 2500, 3000 и 5000 руб. Общая стоимость недвижимости составляла 52400 руб.

Отдельно был составлен список эвакуируемых служащих и их семей. Среди эвакуируемых была игуменья Арсения, годовой оклад 250 руб., 97 монахинь, священник монастыря Владимир Павлов Зорин с окладом 500 руб., семья священника из 8 человек, прислуга для семьи священника — один человек [10, с. 64-65].

О связях монастыря с внешним миром, обсуждаемых вопросах, уровне письмоводства говорят журналы входящих и исходящих документов. Монастырь вел постоянную переписку. В большей степени эта переписка отражала отношения монастыря с Могилевской консисторией. Например, в 1813 г. велся журнал Чонского Успенского общежительного старообрядческого монастыря входящих и исходящих бумаг. В журнале были графы: дата отправки документа, дата его получения, от кого получен документ и его название. За 1813 г. монастырь получил 41 документ, а было отправлено 64 документа. Самая активная переписка приходилась на январь, апрель и июнь. Так, в январе было получено 8 документов, из них 5 указов Могилевской консистории, касающихся финансовых отчетов, пострижения и передвижения монахов, а также назначения братии на разные должности. В одном документе речь шла о выдаче денег монаху Исайе.

Периодически из Могилевской консистории присылались таблицы, где следовало отражать расход денег. Эти таблицы заполнялись в монастыре и отправлялись в консисторию. Документ имел название: «О понуждении Могилевской консистории о присылке сведений о расходованных суммах». Как видно из журнала, исходящих документов было больше, чем входящих. Объясняется это тем, что существовала периодичность высылки отдельных отчетов, как правило финансовых, без напоминания. Например, в январе из монастыря было отправлено 10 документов.

Что касается документооборота, то он выглядел так: в феврале было зарегистрировано 4 входящих документа, в марте — 6, в мае — 6, в июне — 1, в июле — 7, в августе — 3, в сентябре — 3, в ноябре — 1, в декабре — 2 входящих документа. Среди них рапорты в конси-

сторию на указы царя, рапорты о расходовании денежных средств, ведомости о монахах, рапорты об отлучившихся, рапорты о прибывших монахах. В феврале было отправлено в могилевскую консисторию 5 документов, в марте — 6, в апреле — 7, в мае — 5, в июне — 8, в июле — 4, в августе — 9, в сентябре — 5, в октябре — 1, в ноябре — 2, в декабре — 4 документа [81, л. 1 об. — 8 об.].

В журнале входящих документов за февраль 1819 г. отмечены следующие:

1. Записка из консистории о доставке сведений о монахе Петре, в частности кем был пострижен в монахи.

2. Указ из консистории об отправлении панихиды по случаю смерти ее величества королевы Виттенбергской Екатерины Павловны.

3. Указ из консистории о передаче прошения о принятии в состав братии Максаковского монастыря монаха Черниговского монастыря Паисея.

В марте входящие документы касались больше финансовой деятельности:

1. Требование Могилевской консистории о возврате за полученную монастырем литературу денег.

2. Указ консистории о возвращении из Максаковского монастыря монаха Паисея с унесенными туда вещами.

3. Указ из консистории относительно получения сочинения А. Бордовского.

4. Указ консистории о возврате долга ассигнациями или медными деньгами за полученную в типографской конторе литературу [82, л. 1-1 об.].

К 1837 г. увеличивается переписка и соответственно число исходящих документов. Так, в 1837 г. в журнале исходящих документов зарегистрировано 82 рапорта в различные инстанции. В большей степени рапорты были адресованы Могилевской консистории. Расширяется и круг вопросов, по которым необходимо было давать различного рода ответы и информацию. Например, в январе 1837 г. монастырь отправил девять рапортов. Среди них рапорт преосвященнейшему Гавриилу архиепископу Могилевскому и Мстиславскому о благосостоянии монастыря, рапорт преосвященнейшему Гавриилу архиепископу Могилевскому и Мстиславскому о состоянии монашествующих, бельцов и послушников, рапорт в консисторию с ведомостью за 1836 г. о состоянии монашествующих, бельцов и послушников, рапорт в консисторию о полученных указах в течение ноября и декабря 1836 г., рапорт в консисторию о предоставлении приходно-расходной

книги. Рапорт в консисторию о предоставлении для проверки шнуровой книги и отчета по штатной сумме за 1836 г. [83, л. 1-6].

С 1839 г. меняется форма отчетности. Журнал исходящих документов назывался: «Исходящие документы за 1839 г. Запись черновых исходящих бумаг». Журнал имел четыре графы: номер по порядку, число и месяц отправки документа, номер документа, содержание записок черновых бумаг. Особенностью ведения регистрации исходящих документов было то, что записывалось краткое содержание документа. Из года в год увеличивается число исходящих документов. Если в 1837 г. их было 82, то в 1840 г. монастырь отправил 115 документов. В рапортах в консисторию речь шла о выполнении царских указов, о формулярных ведомостях, о штемпельных книгах и их состоянии, об образе жизни сосланных за плохое поведение в монастырь монахов и священников, о состоянии братии, о имуществе монастыря, о проверке финансовых книг. Журнал входящих документов имел шесть граф: номер по порядку, число и месяц получения документа, порядковый номер документа, год, число и месяц отправки из консистории, содержание указа или другого документа, как исполнен документ и причины его неисполнения [84, л. 1-6 об.].

На основе вышеизложенного материала можно сделать следующие выводы. Если на начальном этапе отчетности переписка велась в основном по экономическим вопросам, то уже к 1837 г. она касается всех сторон монастырской жизни. Увеличивается и количество входящих и исходящих документов. Это свидетельствует о том, что все стороны деятельности монастыря брались под контроль или консистории, или местных финансовых органов.

В 1846 г., когда Чонский монастырь уже находился на территории Макариева монастыря, делопроизводство приобретает более строгую форму. По-прежнему регистрировались входящие и исходящие документы, кроме этого, подлежали внутренней регистрации и все монастырские события. Все эти документы вносились в общий реестр дел. Такой реестр составлялся на каждый год. В 1846 г. этот общий реестр дел выглядел так:

«Содержание дела

Январь

1. О самовольной отлучке братии сего монастыря.

2. Об отчетности сумм, получаемых из Белицкого уездного казначейства, получаемых вместо угодий.

3. О предоставлении за 1845 г. ведомости о братии.

4. О предоставлении Белицкому духовному правлению сведений, кому передана печать упраздненного Чонского монастыря.

5. О предоставлении Белицкому уездному приставу 2-го стана сведений о месте расположения упраздненного Чонского монастыря.

Февраль

1. О высылке крестьянина князя Любомирского, Устина Герасимова, в Мстиславский Тупичевский монастырь для продолжения несения епитимии.

2. О просьбе открыть Ново-Крупецкую старообрядческую Успенскую церковь и часовню (секретное).

3. Об учреждении в Макариевом монастыре ночного караула.

4. О погребении в слободе Новый Крупец старейшинами-раскольниками, Тимофеем Роговым и Федором Галкиным, единоверца из той же слободы Игнатия Плаксина.

Март

1. Об отправлении молебных пений во время безверия.

2. О высечке бичевника в Чонском лесу на берегу р. Сож.

3. О рукоположении инока Пимена в сан иеродиакона. О произведении послушника Зиновия во стихарь.

4. О пожертвовании Макариевым монастырем 10 руб. серебром для открытия в Буйницком девичьем монастыре училища для девиц сирот духовного звания.

Август

1. О замене штатных монастырских служащих православного вероисповедания на старообрядцев из Спасовой слободы.

Сентябрь

1. О награждении иеромонаха Гедеона набедренником.

2. О увольнении из государственных крестьян Семена Ковалева для пострижения в монахи в Макариевом монастыре.

3. О проведении расследования в отношении бывшего ново-крупецкого старообрядца Федора Галкина в связи с его высказываниями, имеющими умысел.

Октябрь

1. О нанесенных побоях иноком сего монастыря Иосифом послушнику Алексею Черникову.

Ноябрь

1. О получении настоятелем Макариева монастыря свободного выезда в Черниговскую губернию.

2. О получении разрешения на продажу девяти ветхих монастырских домиков.

Декабрь

1. Об открытии в слободе Новый Крупец белицким мещанином Фоминым раскольнической молельни.

2. Об отправке для шнурования и постановки печати приходно-расходной книги за 1847 г.

3. Об израсходовании денежных сумм, ассигнованных на монастырь в 1846 г.

4. О смерти Великой Княгини Марии Михайловны.

5. О зачислении иеромонаха Фадея в заштат» [85, л. 1-3].

Всего за 1846 г. было зарегистрировано 37 дел [85, л. 1-3].

В монастыре имелся свой архив. Находился он в отдельном деревянном помещении, где не было печей. На окнах были установлены решетки, а дверь обита жестью. Документы хранились в связках в специальных шкафах. Систематизации дел не было, и опись не составлялась. С 1800 по 1874 гг. в архиве хранилось около 300 дел [86, л. 3-4 об.].

Гордостью монастыря была библиотека. Она размещалась в кирпичном помещении, находившемся под колокольней. В библиотеке имелось более тысячи экземпляров книг. Это исторические, религиозно-нравственные, духовно-назидательные книги, святоотеческие творения, толкования Священного Писания. Особую ценность представляли старопечатные книги и рукописи. В библиотеке также были нотные крюковые книги и старинные синодики. Все книги значились в описи имущества. Часть ветхих книг и рукописей была передана в Могилевское церковное древлехранилище при духовной семинарии [90, с. 405].

Через Могилевскую духовную консисторию монастырь имел возможность получать духовную литературу и пополнять книжный фонд библиотеки. Например, в 1820 г. названная консистория получила из Московской синодальной типографии книг на сумму 1 695 руб. З'Л коп. Настоятель монастыря получил уведомление о полученной литературе. Для выбора и последующего приобретения предлагались книги: «Зерцало православное»; «Опыт совершенства»; «Пастырское наставление»; «Книга Иоанна Лествичника»; «О доброти священников»; «Минеи месячные» в 4-х книгах; «Службы на первую неделю великого поста» в 3-х книгах; «Книга регламента духовного»; «Проскомидиевые листы» [36, л. 180-181 об.].

В Чонском монастыре в исследуемый период братия была немногочисленна, однако отмечалась четкая организация, строго соблюдался устав, а обязанности распределялись по возрасту и умению.

Как видно из исследуемого материала, монастырь возглавляли опытные игумены, способные организовать внутримонастырскую жизнь вести дела с внешним миром.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иноческая жизнь по назначению своему и по свойству своему есть внутренняя, сокровенная. Хотя внимание повествователей привлекают главным образом внешние события, происходящие в какой-либо обители, но для истории монашества они имеют значение второстепенное, так как главная цель подвижнической жизни — спасение души. Не борьба с внешними врагами, не успехи материальной и промышленной жизни, не деятельность исключительно среди мира для целей земных — назначение иноков, а борьба с внутренними врагами спасения, совершающаяся в тайной храмине души, успехи в жизни нравственной, деятельность духовная — вот призвание инока. Подвиги на этом поприще большей частью известны одному всевидящему Богу.

Идея личного спасения отражена и в формах организации монашеской жизни: монастырь, скит, пустынь. В общежительный монастырь (киновию) приходили те, кто считал, что в общежитии с его подчинением своей воли воле настоятеля и возможностью получить духовную поддержку от более опытного брата легче достичь личного спасения. Скиты же объединяли отшельников, искавших личного спасения в большей изоляции от мира. Такая градация условна, поскольку непроходимой грани между этими формами организации монашеской жизни нет, что отразилось и в названии Чонского монастыря.

Основу активной деятельности по обустройству и прославлению обители составляло представление о монастыре и его значении, которое нашло, в частности, отражение в пространственной организации монастыря: в объединении с Макариевым, а впоследствии в возвращении на старое место. Монастырская ограда была не столько крепостной стеной, сколько видимой границей, отделявшей монастырь от мира. Сам же монастырь воспринимался как образ царствия небесного, явленного на земле. На планировку и композицию монастыря в значительной степени повлияло уподобление его небесному граду праведных — горнему Иерусалиму. В Чонском монастыре, так же как и в горнем Иерусалиме, была стена, были жилища праведных, сады и живоносные источники. И деятельность по устроению и украшению обители также была деятельностью во имя «града праведных».

Однако обустройством монастыря и мистическим, символическим его истолкованием, в частности пространственным, для иноков дело не заканчивалось. Духовная память и мироощущения монахов, обусловленные географическим положением Гомельщины, предопре-

делили обустройство окружающего мира на духовной, разумной основе с применением технологий, соответствующих природной среде. Природу здесь не покоряли, а постоянно взаимодействовали с ней. Именно монастырь на протяжении столетий, используя природные особенности Гомельского региона, приспосабливал к ним свои современные на тот момент технологии.

На всех этапах своего существования монастырь активно сотрудничал с местным населением, привлекались различного рода специалисты даже из отдаленных городов. Сложившиеся отношения были выгодны как для монастыря, так и для представителей всех сословий, которые были вовлечены в финансово-экономическую деятельность обители. Для Чонского монастыря ситуация складывалась так, что без помощи внешнего мира существовать он не мог. Для него было два выхода: либо медленно беднеть и прекратить свое существование либо, изменив прежние устои и правила, продолжать монашеское служение. Вместе с руководством Могилевской епархии монастырь выбрал путь монашеского служения в новых условиях.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Неокладные доходы — это деньги, заработанные самим монастырем. Сюда относились средства, выручаемые за сдачу в аренду земельных участков, сенных покосов, монастырской мельницы, ловлю рыбы, а также деньги, полученные за продажу монастырского скота, сена, овощей и фруктов.

Экономические деньги — средства, полученные от продаж.

Выплаты по штату — деньги, выплаченные из государственной казны.

Кружечные доходы — небольшие пожертвования; хождение священника с постными молитвами; за напутствие больных на дому; за чтение псаломщиком псалтыри над умершим; за участие диакона в совершении какой-либо требы по особому приглашению в чужом приходе.

Кошельковые доходы — средства, полученные при сборах в церкви во время богослужения.

Дор — дранка особого сорта для покрытия крыш.

Луб — тонкая дранка для покрытия крыш.

Лубка — мера из луба липы для измерения меда.

Аршин (тюрк.) — дометрическая мера длины в ряде стран, в России с XVI в.; равна 16 вершкам (71,12 см).

Сажень — русская мера длины = 3 аршинам = 7 футам = 2,1336 м.

Гарнец — русская мера объема сыпучих веществ, равна V» четверика (3,2798 л).

Фунт — единица массы в системе русских мер. 1 фунт = 0,40 951 241 кг = 1/40 пуда = 32 лотам = 96 золотникам = 9 216 долям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбицкий, В. Описание Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря / В. Альбицкий. — Витебск, 1897. — 12 с.

2. Беларусь на мяжы тысячагоддзяў / адказны за выданне І.П. Хаўратовіч. — Мінск : БелЭн, 2000. — 432 с.

3. Борун, Е.Н. Значение Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря в деле религиозного просвещения Полоцкого региона / Е.Н. Борун // Религия и общество: актуальные проблемы современного религиоведения : сб. науч. трудов. — Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2006. — С. 274-276.

4. Борун, Е.Н. Вклад Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского монастыря в дело религиозного просвещения Полоцкого региона / Е.Н. Борун // Хрысціянства у гістарычным лесе беларускага народа : зб. навук. арт. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, ГрДУ імя Я. Купалы, Ін-т гіст. НАНБ ; рздкал.: С.В. Марозава [і інш.]. — Гродна : ГрДУ, 2008. — С. 241-243.

5. Борун, Е.Н. Православные монастыри Полоцкой епархии в XIX-XX века / Е.Н. Борун // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археачагічных раскопак у г. Полацку) : зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20-21 ліст. 2008 г. / пад агульн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача. — Наваполацк : ПДУ, 2009.- С. 159-162.

6. Борун, Е.Н. Сохранность храмовых комплексов полоцкий монастырей в 1920-х гг. / Е.Н. Борун // Европа: актуальные проблемы этнокультуры : материалы междунар. науч.-теорет. конф., г. Минск, 28 апр. 2010 г. / редкол.: В.В. Тугай (отв. ред.). — Минск : БГПУ, 2010. — С. 319-321.

7. Болотов, В.В. Лекции по истории древней церкви / В.В. Болотов. — Киев : Изд-во им. святителя Льва, папы Римского, 2007. — 340 с.

8. Горбацкий, А.А. Из истории Чонского монастыря : материалы междунар. конф. «Религия и общество: актуальные проблемы современного религиоведения» : сб. науч. трудов / А.А. Горбацкий ; под общ. ред.
В.В. Старостенко.— Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова.- 2006.— С. 31-33.

9. Горбацкий, А.А. История монастыря и монастырский быт (по материалам Чонского монастыря) / А.А. Горбацкий // Вучоныя запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна. — 2006. — Т. 2, ч. 1. - С. 223-230.

10. Горбацкий, А.А. Чонский (Чонковский) монастырь в истории единоверия и православия : материалы междунар. науч. конф. «Инновационные модели развития туристической инфраструктуры Украины. Буковинское и мировое старообрядчество: история, культура, туризм», Черновцы, 23-24 сент. 2006 г. / А.А. Горбацкий ; под ред. Г.К. Кожолянко. — Черновцы, 2006.-Ч. 2.- С. 59-65.

11. Горбацкий, А.А. Из жизни настоятелей Чонского (Чонковского) монастыря: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Православие в духовной жизни Беларуси», Брест, 25-26 апр. 2007 г. / А.А. Горбацкий, Брест, гос. ун-т; редкол.: В.И. Новицкий [и др.]. — Брест, 2008. — С. 199-204.

12. Горбацкий, А.А. Внутренняя жизнь Чонского (Чонковского) монастыря: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Липоване-старообрядцы на Дунае: история и культура», Одесса, 11-14 сент. 2008 г. / Одес. гос. ун-т ; редкол.: А. Пригарин [и др.]. — Одесса, 2008. — С. 87-92.
13. Горбацкий, А.А. Типология монастырских поселений и православных монастырей (на русских и белорусских землях) : материалы первых респ. Афанасьевских чтений «Социальные процессы: Восточно-Европейский аспект», Брест, 15-16 янв. 2003 г. — С. 121-128.
14. Голубинский, Е.Е. История канонизации святых в Русской церкви / Е.Е. Голубинский. — М. : Имп. о-во истории и древностей при Моск. ун-те, 1903.-600 с.
15. Глушкова, В.Г. Люди и монастыри: реальные исторические личности, русские святые / В.Г. Глушкова. — Воронеж : МОДЭК, 1997. — 439 с.
16. Доброклонский, А.П. Руководство по истории Русской Церкви / А.П. Доброклонский. — М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 2001. — 694 с.
17. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание чудотворных Её икон / сост. София Снессорева. — М. : Терирем, 2010. — 640 с.
18. Еремина, Т.С. Мир русских икон и монастырей: история, предания / Т.С. Еремина. — М. : Наука, 1998. — 598 с. : ил.
19. Знаменский, П.В. История Рууской Церкви / П.В. Знаменский. — М. : Крутицкое Патриаршее Подворье, 2000. — 462 с.
20. Зырянов, П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века / П.Н. Зырянов. — М. : Вербум-М, 2002. -319 с. : ил., портр.
21. Карташев, А.В. Очерки по истории Русской Церкви : в 2 т. / А.В. Карташев. — М.: ТЕРРА, 1993. — Т. 1.
22. Карташев, А.В. Очерки по истории Русской Церкви : в 2 т. / А.В. Карташев. — М. : ТЕРРА, 1993. — Т. 2.
23. Лебедев, Г.П. Витебский Свято-Духов женский монастырь, его история и перспектива воссоздания / Г.П. Лебедев. — Витебск, 1998. — 30 с.
24. Мірановіч, А. Праваслаўная Беларусь / А. Мірановіч. — Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства, 2009. — 352 с.
25. Монашество и монастыри в России. XI-XX века: Исторические очерки / отв. ред. Н.В. Синицына. — М. : Наука, 2005. — 346 с.
26. Монастыри в жизни России: к 600-летию преподобного Пафнутия Боровского, 550-летию основания им Рождества Богородицы Пафнутьев-Боровского монастыря : сб. науч. ст. / сост.: В.И. Осипов. — Калуга; Боровск, 1997.-287 с.
27. Православные монастыри Беларуси / авт.-сост. С.Э. Сомов. — Минск : Четыре четверти, 2003. — 200 с.
28. Приходы и монастыри Белорусской Православной Церкви / гл. ред. протоиерей Георгий Латушко. — М. : Свято-Петропавловский собор. — 2001.-240 с.
29. Русское православное женское монашество XVIII-XX веков / сост.: монахиня Таисия. — Джордаинвилль : Св. Троицкий монастырь, 1985. — 279 с.: ил., портр.

30. Сапунов, А. Древности Спасо-Евфросиниевского девичьего монастыря в Полоцке / А. Сапунов // Полоцкие епархиальные ведомости. — 1885,-№8. -С. 256-259.
31. Сементовский, А. Полоцкий Борисоглебский монастырь / А. Сементовский // Полоцкий летописец. Историко-литературный журнал. - 1992.-№ 1,-С. 42-47.
32. Святая гора Афон. Обитель Богоматери. — Салоники, 2003. — 235 с.
33. Смолич, И.К. Русское монашество (998-1917). Приложение к «Истории Русской Церкви» / И.К. Смолич. — М., 1997. — 412 с.
34. Трусаў, А. Бельчыцкі манастыр / А. Трусаў // Бел. гіст. часопіс. - 1993. -№ 1,- С. 43-50.
35. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 55. Ведомость Чонковского Успенского третьеклассного монастыря с показанием в оном числа братии, их поведения, угодий, принадлежащих оному монастырю, наличности суммы, различного рода хлеба, скота, пшеницы и прочаго за 1837 г.
36. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 2. Указы Могилевской консистории об отдаче в аренду земли, о порядке перемещения монахов из одного монастыря в другой и пр. 1799-1841.
37. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 48. Ведомость Белицкого уезда о землях монастыря.
38. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 14. Ведомость о численности и поведении братии за 1813 г.
39. Фонд 3023.- Оп. 1.- Д. 42. Ведомость Чонковского Успенского третьеклассного монастыря с числом братии, имущества, скота и прочего за 1832 г.
40. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 47. Ведомость Чонковского Успенского третьеклассного монастыря с показанием в оной числа братии, послушников, их поведения и принадлежащего монастырю имущества за 1836 г.
41. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 37. Книга для записи прихода и расхода денежных сумм. 1830-1836.
42. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 43. Приход денег по штату ассигнованных на Чонковский Успенский третьеклассный монастырь за 2-е полугодие 1832 г.
43. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 49. Приход и расход сумм монастыря за 1-е и 2-е полугодие 1836 г.
44. Фонд 3023.-Оп. l.-Д. 63. Приход и расход денежных сумм в 1838г.
45. Фонд 3023. - Оп. 1. — Д. 82. О числе братии и имуществе на 1842 г.
46. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 84. Приход и расход денежных сумм в 1842 г.
47. Фонд 3023. — Он. l.-Д. 110. Приход и расход денег за 1845 г.
48. Фонд 3023,-Оп. 1.-Д. 163. Книга прихода и расхода денег за 1850г.
49. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 182. Книга прихода и расхода денег за 1852 г.
50. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 202. Книга прихода и расхода денег за 1856-1860 гг.

51. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 220. Книга прихода и расхода денег за 1860 г.

52. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 253. Книга расхода денег за 1878-1880 гг.

53. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 280. Ведомость Чонско-Макарьева мужского монастыря третьего класса за 1882 г.

54. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 290. Книга прихода денег за 1844-1886 гг.

55. Фонд 3023,-Оп. 1.-Д. 317. Книга прихода и расхода денег за 1890г.

56. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 321. Ведомость о суммах, отпущенных на содержание монастыря, за 1890-1893 гг.

57. Фонд 3023.- Оп. 1.- Д. 348. Книга прихода неокладных сумм за 1895 г.

58. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 349. Книга расхода неокладных сумм за 1895 г.

59. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 316. Список монахов и послушников монастыря на выдачу жалования за 1889 г.

60. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 353. Книга прихода и расхода штатных сумм за 1896-1900 гг.

61. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 364. Ведомость об имуществах, принадлежащих монастырям в 1845 г.

62. Фонд 3023.-Оп. 1.-Д. 236. Ведомость о количестве земли в 1869 г.

63. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 314. Сведения о лесных дачах монастыря за 1890 г.

64. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 92. Контракт между монастырем и крестьянами на выгонку дегтя от 20 мая 1843 г.

65. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 281. Дело о сдаче в аренду мещанину А. Коскину земли и строений упраздненного монастыря (1882-1883).

66. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 291. Книга расхода денег за 1884-1886 гг.

67. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 345. Договоры между монастырем и разными лицами о сдаче земли.

68. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 5. Указы Могилевской духовной консистории о посвящении в сан священника иеромонаха Ионы; о доставлении сведений и численности церквей и проч.

69. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 171. Ведомость Макарьева единоверческого третьеклассного монастыря с показанием числа братии и их поведения за 1850 г.

70. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 32. О принятии в монастырь разных лиц.

71. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 112. О вложении монастырских денег в казначейство на вечное обращение.

72. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 249. О представлении приставу 2-го стана Гомельского уезда сведений об имуществе монастыря (1876-1877).

73. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 11. Книга для записи приходов и расходов денежных сумм за 1809-1814 гг.

74. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 282. Формулярная ведомость о чинах монашеского звания Чонско-Макарьева единоверческого монастыря Могилевской епархии, составленная в Гомельском уезде.

75. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 259. Дело о пострижении в монахи послушников Е. Иванова и Т. Рослякова.

76. Фонд 3023. — Оп. 1. — Д. 296. Послужной список монахов и послушников монастыря за 1885-1887 гг.

77. Фонд 2301. — Оп. 1. — Д. 1389. Опись подлежащего эвакуации имущества Чонского женского монастыря.

78. Фонд 2301.-Оп. 1.-Д. 17. Ведомость о численности монахов в 1815 г.

79. Фонд 2301. — Оп. 1. — Д. 267. Дело о получении указа Могилевской духовной консистории о предоставлении сведений о монастырских землях и имуществе (1880-1884).

80. Фонд 2301. — Оп. 1. — Д. 97. Ведомость о Чонском Успенском третьеклассном монастыре за 1844 г.

81. Фонд 2301. — Оп. 1. — Д. 13. Журнал Чонского Успенского общежительного старообрядческого монастыря входящих и исходящих бумаг на 1813 г.

82. Фонд 2301.- Оп. 1. — Д. 20. Журнал входящих документов за 1819 г.

83. Фонд 2301. — Оп. 1. — Д. 54. Запись исходящих дел за 1837 г.

84. Фонд 2301. — Оп. 1. — Д. 67. Исходящие документы за 1839 г. Запись черновых исходящих бумаг.

85. Фонд 2301. — Оп. 1. — Д. 120. Общий реестр дел Макариева единоверческого третьеклассного мужского монастыря за 1846 г.

86. Фонд 2301. — Оп. 1. — Д. 247. О состоянии монастырского архива за 1875 г.

87. Фонд 2301. — Оп. 1. — Д. 118.0 пострижении в монашество послушников Михаила Иванова Садовцева, Виновия Иванова и Семена Ковалева.

88. Фонд 2301. — Оп. 1. — Д. 143. О посвящении иеродиакона Пимена в иеромонахи и инока Фадея в иеродиаконы.

89. Фонд 2301. — Оп. 1. — Д. 268. Дело по прошениям лиц разных вероисповеданий о разрешении перейти в православие и постричься в монахи. (1880-1884).

90. Могилевские епархиальные ведомости. — 1897. — № 30.

91. Монастыри на Руси в XI — середине XIV в. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rusarch.ru. — Дата доступа: 24.12.2010 г.

92. Монастыри на Руси в середине XVI-XVII в. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rusarch.ru. — Дата доступа: 24.12.2010 г.